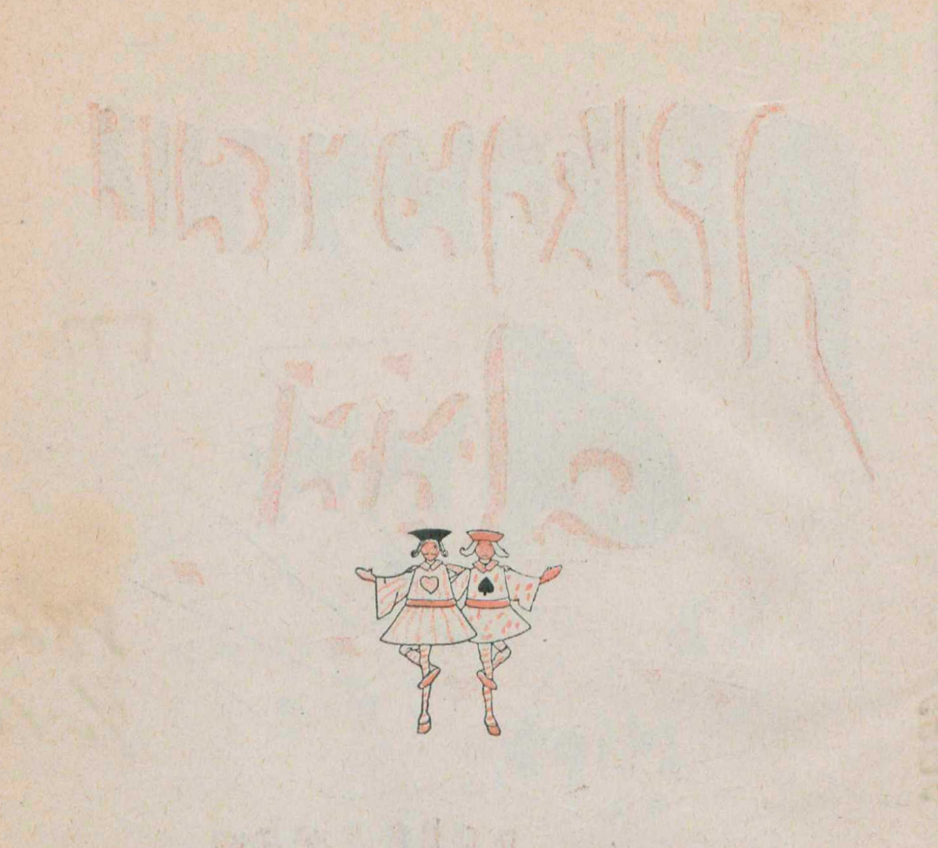

2014079470

Приключенія
Ани
въ
мірѣ
чудесъ
Составлено по Л. Карролю
М. Гранстремъ
со 152 раскрашенными рисунками.
Библіотека
В. И.
Сильневской
Уг. М. Бронной и Спирид. п. д №
Тел. 5.02-58.
Библіотека
Института Народнаго
Образованія
им. А. Л. Шанявскаго
М. [1908]
8863
Г77п
5035

Текстъ и всѣ рисунки печатаны въ типографіи Г. Шахтъ и Ко.
Спб В. О., Тучковъ пер № 17.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ГЛАВА I.

Въ норкѣ кролика.

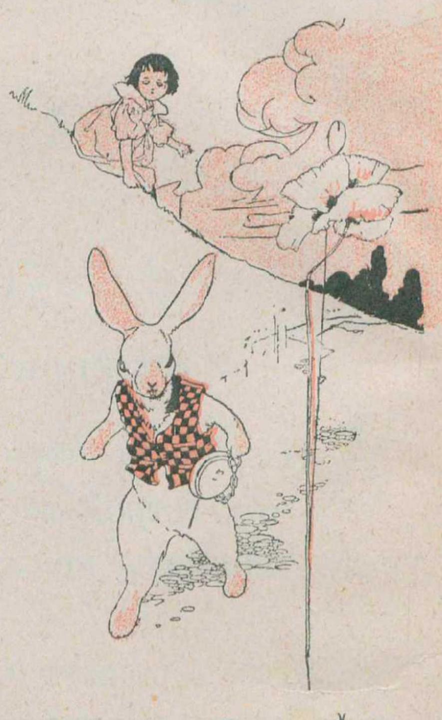
Анѣ стало скучно; она долго сидѣла съ сестрой на берегу ручья и читала книжку, но книжка ей не нравилась:

„Что хорошаго въ книжкахъ, если въ нихъ нѣтъ картинокъ!“ думала Аня.

День былъ жаркій. Аня задумалась — не собрать ли — — — цвѣточковъ — — — для — — — — вѣночка — — — — — — — — какъ вдругъ мимо нея пробѣжалъ бѣлый кроликъ съ красными глазками.

— Бѣда, бѣда, я опоздаю! — воскликнулъ онъ человѣческимъ голосомъ; но это нисколько не удивило Аню.

Когда же кроликъ вынулъ изъ жилетнаго кармана часы, чтобы взглянуть, который часъ, и потомъ поспѣшно побѣжалъ дальше, Аня въ изумленіи вскочила и побѣжала за нимъ черезъ лужокъ.

Она нагнала его въ ту минуту, когда онъ юркнулъ подъ кустикъ, гдѣ оказался подземный ходъ.

Не долго думая, Аня прыгнула вслѣдъ за нимъ, пробѣжала шаговъ двадцать и вдругъ почувствовала, что падаетъ въ глубокій колодезь.

Должно быть, колодезь былъ очень глубокъ, или Аня падала очень медленно, по-

тому что, падая, она успѣла осмотрѣться. Сначала она посмотрѣла внизъ, чтобы узнать, куда она падаетъ; но тамъ было очень темно. Потомъ она замѣтила, что стѣны колодца состоятъ изъ книжныхъ и кухонныхъ шкафовъ. Книжные шкафы были наполнены книгами, и передъ ними висѣли картины и карты разныхъ странъ свѣта.

Продолжая падать, Аня схватила съ полки одного кухоннаго шкафа банку съ надписью: „апельсинное варенье", но къ ея досадѣ она оказалась пустой.

Бросить ее она не хотѣла, чтобы не убить кого-нибудь внизу, и ей удалось сунуть банку на полку другого шкафа.

— Послѣ этого, мнѣ нипочемъ будетъ упасть съ лѣстницы или свалиться съ крыши! — сказала Аня.

Все внизъ, внизъ, внизъ летѣла Аня. „Неужели конца не будетъ этому?" думала она. „Должно быть я нахожусь уже въ самомъ сердцѣ земли! Сестра говорила,

что до середины земли 850 миль. Вотъ смѣшно будетъ, когда я совсѣмъ провалюсь сквозь землю и очутюсь по другую сторону земли среди людей, которые ходятъ на головѣ!.. Тамъ я спрошу: „Пожалуйста, скажите мнѣ, сударыня, это Австралія или Новая Зеландія?“

И при этомъ Аня попыталась сдѣлать реверансъ. Вообразите себѣ, ѣлать реве-

рансъ въ воздухѣ, когда падаешь!.. Это не такъ-то легко!

Между тѣмъ все внизъ, внизъ, внизъ летѣла Аня.

— Мой котикъ Васька, навѣрное, будетъ искать меня вечеромъ!.. — снова заговорила она сама съ собой. — Надѣюсь, ему не забудутъ дать молочка... Какъ жаль, что ты, Васенька, не со мной. Правда, тутъ въ воздухѣ нѣтъ мышей; но ты могъ бы ловить воробышковъ, — они, навѣрное, летаютъ здѣсь... А ты любишь, Васенька, воробышковъ?... Скажи-ка, много ли ты ихъ съѣлъ на своемъ вѣку? Говори...

Но не успѣла Аня договорить, какъ вдругъ уп[illegible]а на кучу сухихъ листьевъ и

хвороста. Она поспѣшно вскочила и взглянула наверхъ, но тамъ было совсѣмъ темно. Передъ нею же находился длинный ходъ, въ концѣ котораго она увидѣла бѣжавшаго кролика.

Нельзя было терять ни минуты. Аня бросилась за нимъ и услышала, какъ кроликъ, свернувъ за уголъ, со вздохомъ проговорилъ:

— О, уши! о, усы!.. Какъ я опоздалъ!..

Аня уже нагоняла его, но когда свернула за нимъ за уголъ, кроликъ вдругъ исчезъ.

Осмотрѣвшись, она увидѣла, что находится въ длинномъ низкомъ коридорѣ, который былъ освѣщенъ лампочками. По обѣ стороны находилось множество дверей, но всѣ онѣ были заперты.

„Какъ же я выберусь отсюда?“ думала Аня, направляясь дальше по коридору.

Вдругъ она увидѣла передъ собою маленькій столикъ, весь изъ толстаго стекла. На немъ лежалъ золотой ключикъ.

Аня тотчасъ подумала, что этотъ ключъ подойдетъ къ какой-нибудь изъ дверей въ коридорѣ. Но оказалось, что онъ не подходилъ ни къ одному замку.

Когда же она вторично обходила коридоръ, пытаясь отворить ключомъ одну изъ дверей, то вдругъ очутилась передъ низкой занавѣской, которой раньше не замѣтила; за нею оказалась маленькая дверь, вышиною около полъаршина.

Ключикъ подошелъ къ этой двери, и Аня очень этому обрадовалась.

Отворивъ дверь, Аня увидѣла передъ собою крошечный ходъ, че-

резъ который могъ бы пролѣзть только мышенокъ.

Аня заглянула въ него и увидѣла, что за нимъ находится прекрасный садъ съ чудесными цвѣтами и журчащими фонтанами.

„Ахъ какъ хорошо было бы выбраться изъ этого темнаго коридора и погулять тамъ среди цвѣтовъ и прохладныхъ фонтановъ!“ подумала Аня. „Но какъ пролѣзть туда?.. Мнѣ хотѣлось бы превратиться въ тонкую подзорную трубку!... Если бы я только знала, какъ это сдѣлать?..“

Съ нею уже случилось такъ много чудеснаго, что ей казалось все возможнымъ.

Полюбовавшись чудеснымъ садомъ, она вернулась къ столу, надѣясь найти на немъ другой ключъ или книгу съ указаніями, какъ превратиться въ подзорную трубку. На столѣ оказался пузырекъ съ красивою надписью: „выпей меня“.

— Раньше его здѣсь не было,—сказала Аня.—Легко сказать: „выпей меня“. Нѣтъ,

сначала я посмотрю, нѣтъ ли на ярлыкѣ черепа!

Аня много слышала о томъ, какъ часто дѣти попадались впросакъ, когда не слушались папы и мамы; она знала, что каленымъ желѣзомъ можно обжечься, ножемъ можно обрѣзаться, а иголкой уколоться. Аня не забыла также, что опасно пить изъ такого пузырька, на ярлыкѣ котораго нарисованъ черепъ.

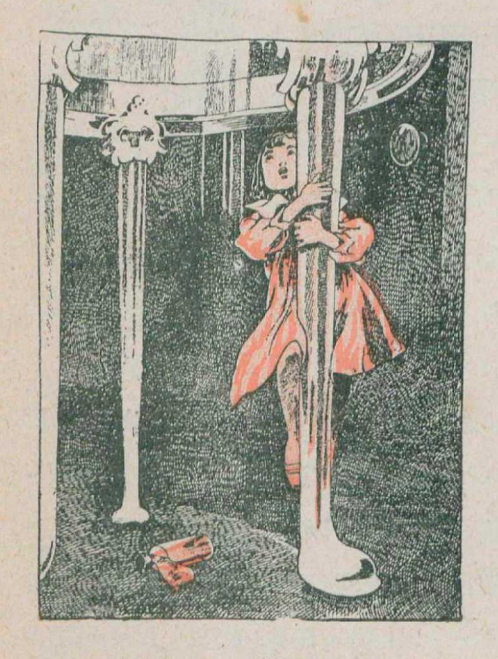

Но на пузырькѣ не было черепа, и Аня попробовала этого лѣкарства. И такъ какъ оно оказалось очень вкуснымъ и состояло изъ вишенъ, битыхъ сливокъ и ананаса, то Аня не задумываясь выпила весь пузырекъ.

— Что это со мною дѣлается? Какъ меня коробитъ! — воскликнула Аня. — Должно быть, я въ самомъ дѣлѣ превращаюсь въ подзорную трубку!..

Такъ и случилось: она сморщилась и ссохлась до того, что превратилась въ крошку ростомъ въ четверть аршина.

Аня просіяла отъ радости, что сдѣлалась такой маленькой и сможетъ теперь пролѣзть чрезъ узкій ходъ въ чудесный садъ; но въ то же время испугалась, что можетъ вся превратиться въ ничто, какъ сгорѣвшая свѣчка.

„На что я тогда буду похожа?“ думала Аня.

И она попыталась представить себѣ, на что похожа сгорѣвшая свѣчка...

Замѣтивъ, что она перестала уменьшаться, Аня рѣшила идти въ садъ; но подходя къ маленькой двери, спохватилась, что забыла взять со стола ключикъ.

Она побѣжала за нимъ, но къ своему ужасу увидѣла, что сдѣлалась такой маленькой, что не можетъ достать его.

Снизу сквозь стекло она ясно видѣла лежавшій на столѣ ключикъ.

Она попыталась взобраться наверхъ по одной изъ ножекъ стола, но ножка была слишкомъ гладкая.

Измучившись напрасно, бѣдная дѣвочка залилась горькими слезами.

— Перестань! слезами горю не поможешь!—сердито крикнула она себѣ,—сейчасъ перестань плакать!

Аня часто давала себѣ хорошіе совѣты, но рѣдко исполняла ихъ, а иногда такъ строго бранила себя, что доводила сама себя до слезъ. Однажды она хотѣла даже дать себѣ пощечину за то, что обманула сама себя въ игрѣ, когда представляла изъ себя два лица. Вдругъ Аня увидѣла подъ

столомъ шкатулочку; въ ней оказалось пирожное съ надписью: „съѣшь меня!“

— Хорошо, я съѣмъ тебя, — сказала Аня, — и если я отъ этого выросту, то достану ключикъ, а если сдѣлаюсь меньше, то проползу въ дверь и попаду въ садъ.

Она откусила кусочекъ пирожнаго и съ любопытствомъ спросила себя:

— Ну, посмотримъ „вверхъ или внизъ?“

И, положивъ руку на голову, очень удивилась, что съ ней не происходитъ никакой перемѣны.

Обождавъ нѣсколько минутъ, она съѣла все пирожное.

ГЛАВА II.

Слезный прудокъ.

КАКЪ смѣшно! — вскричала Аня. — Теперь меня растянетъ, какъ самую длинную подзорную трубку!.. Прощайте, мои ноги! — сказала она, глядя какъ ея ноги удаляются отъ нея и дѣлаются все меньше. — О, мои бѣдныя ножки! Кто вамъ сегодня одѣнетъ чулки и башмачки?.. Я слишкомъ далеко отъ васъ и не могу этого сдѣлать. Справляйтесь сами, какъ знаете... Но я должна быть доброй къ нимъ, иначе онѣ не пойдутъ туда, куда я захочу. Я подарю имъ къ Рождеству новые башмачки. Но какъ послать имъ

мой подарокъ?.. Придется по почтѣ. Вотъ смѣшно будетъ послать своимъ ногамъ подарокъ съ такимъ забавнымъ адресомъ:

Коврикъ, близъ камина.

Ея Благородію

Аниной правой ногѣ.

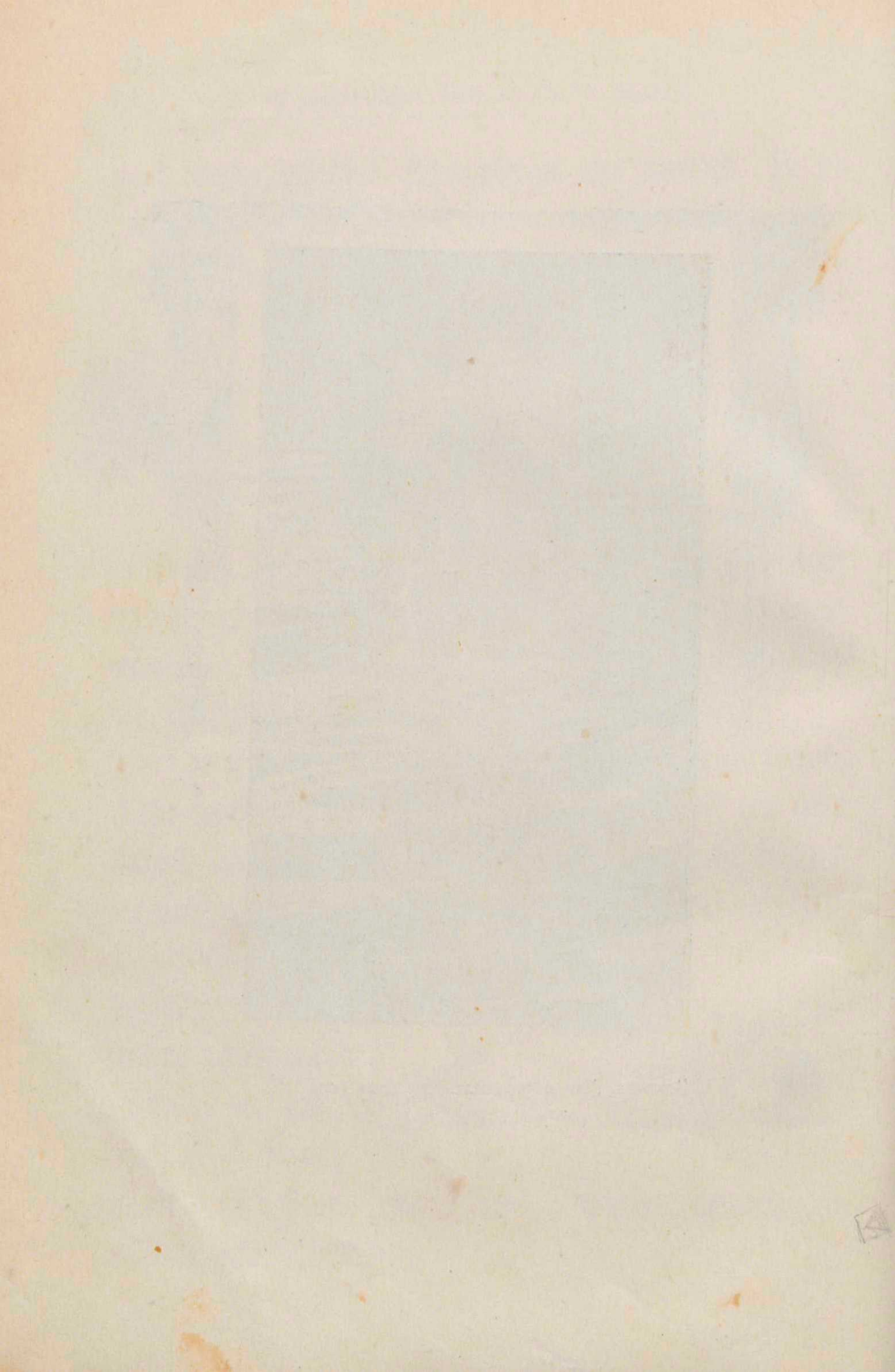
Сердечный поклонъ отъ Ани.

— Ахъ, какія глупости я болтаю! — засмѣялась Аня и въ ту же минуту стукнулась головой о потолокъ: оказалось, что она вытянулась въ вышину на цѣлую сажень.

Схвативъ со стола золотой ключикъ, Аня побѣжала къ маленькой двери; но она была слишкомъ велика, чтобы пройти въ чудесный садъ черезъ маленькую дверь, а чтобы хоть заглянуть туда, она должна была лечь на полъ, и ей сдѣлалось такъ грустно, что она снова заплакала горькими слезами.

Вокругъ Ани образовался прудокъ (стр. 15).

— Стыдись, — забранила она себя, — такая большая дѣвочка и плачешь! Перестань сейчасъ, слышишь!

Но слезы у Ани лились ручьями, и вскорѣ вокругъ нея образовался прудокъ въ вершокъ глубины и въ половину коридора длины.

Но вотъ вдали послышались шаги; она поспѣшно вытерла слезы, чтобы посмотрѣть, кто идетъ.

То былъ бѣлый кроликъ въ роскошной одеждѣ; въ одной рукѣ у него была пара бѣлыхъ перчатокъ, а въ другой вѣеръ. Онъ шелъ поспѣшно по коридору и бормоталъ:

— О, герцогиня, герцогиня! Какъ она разсердится, если я опоздаю!

Въ своемъ горѣ Аня готова была просить кого угодно о помощи, и, когда кроликъ подошелъ къ ней ближе, она умоляющимъ голосомъ сказала ему:

— Прошу васъ, добрый господинъ...

Кроликъ задрожалъ отъ страха и, выронивъ изъ рукъ перчатки и вѣеръ, бросился опрометью бѣжать.

Аня подняла вѣеръ и перчатки, и такъ какъ въ коридорѣ было душно, то стала обмахиваться вѣеромъ.

— Удивительно, какъ сегодня все странно! — сказала она. — Вчера вѣдь былъ совсѣмъ обыкновенный день. Неужели меня ночью подмѣнили? Та ли я теперь, какой была утромъ? Мнѣ кажется, что со мною произошла необыкновенная перемѣна. Но если я не та, которой я была раньше, такъ кто же я теперь?..

Аня стала припоминать всѣхъ подругъ, чтобы узнать, не превратилась ли она въ одну изъ нихъ.

— Нѣтъ, я не Вѣра,—сказала она,— у ней длинные локоны, а у меня волосы гладкіе; въ Надю я и подавно не могла превратиться — вѣдь она почти ничего не знаетъ, а я уже научилась очень многому! Кромѣ того, она Надя, а я Аня!... О, какъ все перепуталось сегодня!... — воскликнула Аня. — Посмотримъ, забыла ли я все то, что знала; начнемъ: четырежды пять—двѣнадцать, четырежды шесть—тринадцать, а четырежды семь... нѣтъ, это невѣрно, такъ я никогда не дойду до двадцати! Но таблица умноженія не такъ нужна. Географію я лучше знаю: Петербургъ — столица Москвы, Москва—столица Петербурга, Лондонъ — столица Парижа, а Парижъ — столица Рима, а Римъ... нѣтъ, нѣтъ, все это невѣрно! Должно быть, я превратилась въ Надю!... Но басни я всегда знала лучше всѣхъ. Начну:

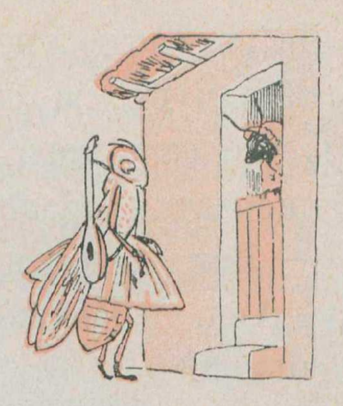

Попрыгунья стрекоза
Лѣто красное пропѣла;
Оглянуться не успѣла,
Какъ зима катитъ въ глаза.
Помертвѣло чисто поле;
Нѣтъ ужъ дней тѣхъ свѣтлыхъ болѣ,
Какъ подъ каждымъ ей листкомъ
Былъ готовъ и столъ и домъ.

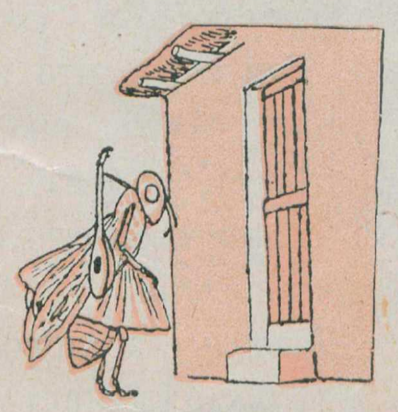

Все прошло; съ зимой холодной
Нужда, голодъ настаетъ;
Стрекоза ужъ не поетъ;
И кому же въ умъ пойдетъ
На желудокъ пѣть голодный!
Злой тоской удручена,
Къ муравью ползетъ она:

„Не оставь меня, кумъ милый!
Дай ты мнѣ собраться съ силой
И до вешнихъ только дней,
Прокорми и обогрѣй!“
— „Кумушка, мнѣ странно это:
Да работала ль ты въ лѣто?“
Говоритъ ей муравей.

— „До того ль, голубчикъ, было!
Въ мягкихъ муравахъ у насъ
Пѣсни, рѣзвость всякій часъ,
Такъ что голову вскружило“
— „А, такъ ты...“ — „Я безъ души
Лѣто цѣлое все пѣла“.
— „Ты все пѣла? Это дѣло:
Такъ поди же попляши!“

Да, эту басню я не забыла!—сказала Аня.

Взглянувъ на свои руки, она удивилась, что сама того не замѣчая, одѣла бѣлыя перчатки кролика.

— Какъ могла я одѣть ихъ!—воскликнула Аня. — Неужели я опять сдѣлалась маленькой?

И Аня поспѣшно подошла къ столу, чтобы смѣрить себя; оказалось, что она была вышиной всего полъ аршина; въ то же время она чувствовала, что продолжаетъ замѣтно сморщиваться и уменьшаться. Замѣтивъ, что причина этому вѣеръ, она въ ужасѣ отбросила его отъ себя и тѣмъ спасла себя отъ полнаго исчезновенія.

— Какъ я счастливо отдѣлалась! — воскликнула Аня, радуясь, что она еще существуетъ;—а теперь скорѣе въ садъ!

Она побѣжала къ маленькой двери. Но увы! дверь оказалась запертой, а золотой ключикъ лежалъ на стеклянномъ столикѣ.

— Горе мнѣ! — воскликнула Аня, — я сдѣлалась такой маленькой, какой никогда

не была раньше! Охъ, худо мнѣ будетъ, худо!

Говоря это, она поскользнулась и — шлепъ! — упала въ соленую воду прудка, образовавшагося изъ ея слезъ.

— Зачѣмъ только я такъ много плакала,—сказала Аня, плывя по прудку,—теперь въ наказаніе я утону въ собственныхъ слезахъ. Вотъ будетъ странно!.. Но сегодня все такъ странно!..

Въ эту минуту она услышала позади себя плескъ: вѣроятно кто-то упалъ въ прудъ. Аня поплыла въ ту сторону и увидѣла, что въ прудъ упала мышка.

Мышка посмотрѣла на нее съ любопытствомъ и поплыла дальше.

„Можетъ быть, она говоритъ по-русски,—подумала Аня,—а можетъ быть, это французская мышь. Заговорю-ка я съ нею по-французски“.

— Où est ma chatte?—обратилась къ ней Аня, вспомнивъ первый урокъ французскаго языка.

Мышка высоко подпрыгнула изъ воды и затряслась отъ страха.

— Ахъ, извините, пожалуйста!—спохватилась Аня.—Я забыла, что вы терпѣть не можете кошекъ.

Мышка высоко подпрыгнула изъ воды (стр. 22).

— А ты любила бы кошекъ, еслибъ была на моемъ мѣстѣ?—злобно крикнула ей мышка.

— Нѣтъ, я тоже не любила бы ихъ,— отвѣтила Аня.—Пожалуйста, не сердись на меня... Но я все-таки хотѣла бы познакомить тебя съ моимъ Васенькой. Ты

навѣрное полюбила бы этого котика. Онъ такой красивый, спокойный, такъ мило мурлычетъ передъ каминомъ, такъ старательно моетъ лапкой свою мордочку, точно гостей зазываетъ, и отлично ловитъ мышей...

Мышка съежилась отъ страха, и шерсть ея поднялась дыбомъ.

— Прости, прости, — поспѣшно сказала Аня, увидѣвъ, что снова обидѣла мышку. — Оставимъ этотъ разговоръ.

— Прошу тебя, — сказала мышка, — никогда не говорить о кошкахъ. Всѣ мы ненавидимъ этихъ противныхъ кровожадныхъ животныхъ!

— Не буду, не буду говорить о нихъ!... — успокоивала мышку Аня и поспѣшила перемѣнить разговоръ. — А любишь ли ты собачекъ?

Мышка промолчала.

— Вотъ у нашего сосѣда — продолжала Аня, — есть чудесная собачка! Шерстка у

Въ прудкѣ собралось множество птицъ и звѣрей (стр. 25).

ней кудрявая, ушки на макушкѣ, глазки кругленькіе, блестящіе!.. Она носитъ поноску, служитъ и ходитъ на заднихъ лапкахъ, умѣетъ просить, прыгаетъ черезъ обручъ, знаетъ много другихъ фокусовъ, отлично ловитъ мышекъ и... ахъ, я опять обидѣла тебя!...

При этихъ словахъ мышка въ страхѣ поспѣшно поплыла отъ Ани.

— Милая мышка, вернись, вернись ко мнѣ!—крикнула ей Аня.—Я не буду больше говорить о кошкахъ и собачкахъ.

Мышка обернулась и дрожащимъ голосомъ сказала ей:

— Поплывемъ къ берегу: тамъ я разскажу тебѣ свою исторію, и ты узнаешь, отчего я терпѣть не могу собакъ и кошекъ.

Тѣмъ временемъ въ прудкѣ собралось множество птицъ и звѣрей, среди

которыхъ была утка, селезень Додо, красный попугай Лори, молодой орелъ и разныя другія животныя. Всѣ они также поплыли къ берегу вмѣстѣ съ Аней и мышкой.

ГЛАВА III.

Разсказъ мышки.

Такимъ образомъ на берегу собралось большое общество разныхъ животныхъ; всѣ сильно промокли и были въ дурномъ расположеніи духа.

Первою заботой было рѣшить вопросъ, какъ скорѣе обсохнуть.

Аня быстро свыклась съ этимъ обществомъ и весело бесѣдовала со всѣми и въ особенности съ попугаемъ Лори, который свысока смотрѣлъ на нее.

— Я старше тебя и потому знаю больше, чѣмъ ты,—сказалъ ей наконецъ Лори.

Аня спросила сколько ему лѣтъ, но Лори отвернулся отъ нея, показывая этимъ, что не хочетъ больше говорить съ нею.

Наконецъ мышка громко заговорила:

— Садитесь всѣ! Я сейчасъ скажу вамъ, какъ скорѣе обсохнуть.

Всѣ усѣлись вокругъ мышки. Аня съ нетерпѣніемъ ждала, что посовѣтуетъ мышка, потому что чувствовала, что сильно простудится, если скоро не согрѣется.

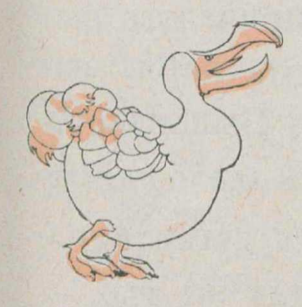
— Ну, усѣлись? — спросила мышка оглядываясь. — Самое лучшее средство обсохнуть скорѣе, это... — да сидите же смирно, не шумите, — это посидѣть смирно

Всѣ усѣлись вокругъ мышки (стр. 28)

и послушать интересный разсказъ. Слушайте, я разскажу вамъ, друзья, про мышей и лягушекъ:

„Было прекрасное майское утро. Квакунъ двадесятый, царь знаменитой породы, властитель ближней трясины, вышелъ изъ мокрой столицы своей, окруженный блестящей свитой придворныхъ. Въ припрыжку они забрались...

— О-о-о-охъ! — зѣвнулъ попугай.

— Что вы сказали? — спросила мышка, недовольная тѣмъ, что ее прервали.

— Ничего! — отвѣтилъ попугай.

— А мнѣ показалось, что вы что то сказали. Я продолжаю, господа. Итакъ: въ припрыжку они забрались на пригорокъ, сочной травою покрытый, и тамъ, на кочкѣ усѣвшись, царь нашелъ...

— Что нашелъ? — спросила утка.

— Развѣ ты не понимаешь, что это значитъ? — съ досадою сказала мышка.

— Отлично понимаю, когда нахожу что нибудь, напримѣръ, лягушку или червячка. Скажи, что нашелъ царь?

Мышка отвернулась отъ утки и продолжала:

„Царь нашелъ нужнымъ приказать вызвать бойцовъ, чтобъ его, царя, забавляли боемъ кулачнымъ. Вышли бойцы, началося; ужъ много было лягушечьихъ мордъ царю въ угожденье разбито... Ну, милочка, обсохла ли ты? — спросила мышка Аню.

— Нѣтъ я еще насквозь мокрая, — отвѣтила Аня.

— Въ такомъ случаѣ,—сказалъ торжественно Додо,—я предлагаю отложить засѣданіе и приступить къ болѣе дѣйствительному средству.

— Говори яснѣе!—сказалъ орелъ,—я не понимаю, что ты говоришь, и увѣренъ, что ты и самъ не понимаешь!

И орелъ нагнулся, чтобы скрыть улыбку, а нѣкоторыя птицы захихикали.

— Я хотѣлъ сказать,—сказалъ раздраженный Додо,—что лучшее средство скоро обсохнуть, это затѣять на лужкѣ игру, напримѣръ бѣгать.

— Въ перегонку?—спросила Аня.

— Нѣтъ, — отвѣтилъ Додо, — въ этой игрѣ каждый можетъ дѣлать что хочетъ: бѣгать, ходить, стоять, кружиться, топтаться на одномъ мѣстѣ.

И Додо начертилъ большой кругъ.

— Начинайте!—крикнулъ онъ.

Всѣ вошли въ кругъ: одни начали бѣгать, потомъ останавливались, чтобы перевести духъ, другіе спокойно разгуливали или прыгали, третьи топтались на одномъ мѣстѣ; всякій дѣлалъ что хотѣлъ. Такъ продолжалось полчаса.

— Довольно! — крикнулъ наконецъ Додо.

Всѣ звѣри обступили его.

— Кто выигралъ?—раздались со всѣхъ сторонъ голоса.

Додо не зналъ, что отвѣтить на этотъ

вопросъ. Онъ глубоко задумался и потиралъ себѣ пальцемъ лобъ. Всѣ терпѣливо ожидали его отвѣта.

— Всѣ выиграли!—сказалъ онъ наконецъ,—всѣ должны получить по призу!

— А кто будетъ раздавать ихъ?—раздалось со всѣхъ сторонъ.

— Разумѣется она!—сказалъ Додо, указывая на Аню.

Все общество тотчасъ обступило Аню съ крикомъ:

— Призы! Призы!

Аня не знала, что дѣлать. Въ смущеніи сунула она руку въ карманъ и, вынувъ оттуда коробку съ леденцами, роздала всѣмъ по леденцу вмѣсто приза. Леденцовъ какъ разъ хватило на всѣхъ.

— Ей тоже надо дать призъ!—сказала мышка.

— Разумѣется,—сказалъ Додо.—Что у тебя еще въ карманѣ?—спросилъ онъ Аню.

— Только наперстокъ,—отвѣтила печально Аня.

— Дай его мнѣ, — сказалъ Додо.

Всѣ окружили Аню, и Додо торжественно передалъ ей наперстокъ со словами:

— Просимъ васъ оказать намъ честь и принять этотъ прекрасный наперстокъ.

Эта короткая рѣчь была покрыта громкими одобрительными криками.

Все это показалось Анѣ такъ нелѣпо, что она готова была расхохотаться. Но замѣтивъ, что все общество очень серьезно смотритъ на нее, она поклонилась всѣмъ и почтительно приняла отъ Додо наперстокъ.

Съ большимъ трудомъ съѣли птицы свои призы, и затѣмъ все общество столпилось вокругъ мышки.

— Разскажи намъ еще что-нибудь! — просили онѣ мышку.

— Да вы не будете слушать, и разсказъ мой покажется вамъ длиннохвостымъ.

— Разскажи, разскажи! — раздалось со всѣхъ сторонъ. — Длиннохвостый разсказъ! Это интересно!

— Я разскажу вамъ, какая бѣда однажды со мною чуть не случилась:

„Въ одинъ прекрасный день я ушла изъ нашей норы и, перебравшись черезъ гору, пустилася бѣжать. Бѣжала я недолго, какъ вдругъ съ размаху наскочила на

двухъ звѣрей.
Какіе это были
звѣри — я не
знала: одинъ
былъ смирный,
добрый, на
меня смотрѣлъ
умильно и тихо
шевелилъ
пушистымъ онъ
хвостомъ, шерсть
гладкая, а на спинѣ
узоры и ушки
какъ у насъ.
Другой: на-
халъ, крикунъ,
весь въ перь-
яхъ, крю-
комъ хвостъ,
а надо
лбомъ на-
ростъ. Онъ
такъ ужас-
но горло
дралъ,
что я ско-
рѣй, давай
Богъ ноги,
прочь
отъ него
съ до-
роги.
— И —
внаете,
кто
были
эти
звѣри
?

— То были котъ и пѣтухъ!—прервала мышку Аня.

— Зачѣмъ ты перебила меня и не дала докончить разсказъ, глупая дѣвочка!—сказала сердито мышка.

— О, не сердись на меня! — просила Аня.

Но мышка сердито покачала головой и убѣжала.

— Вернись, вернись!—кричали звѣри.

— Какъ жалко, что она ушла!—сказалъ со вздохомъ попугай.

— Вотъ видишь, какъ нехорошо сердиться изъ-за пустяковъ! — сказала сова своей дочери.

— Жаль, что мой Васенька не со мною, — сказала Аня, — онъ скоро вернулъ бы мышку!

— А позвольте узнать, кто это вашъ Васенька? — спросилъ попугай.

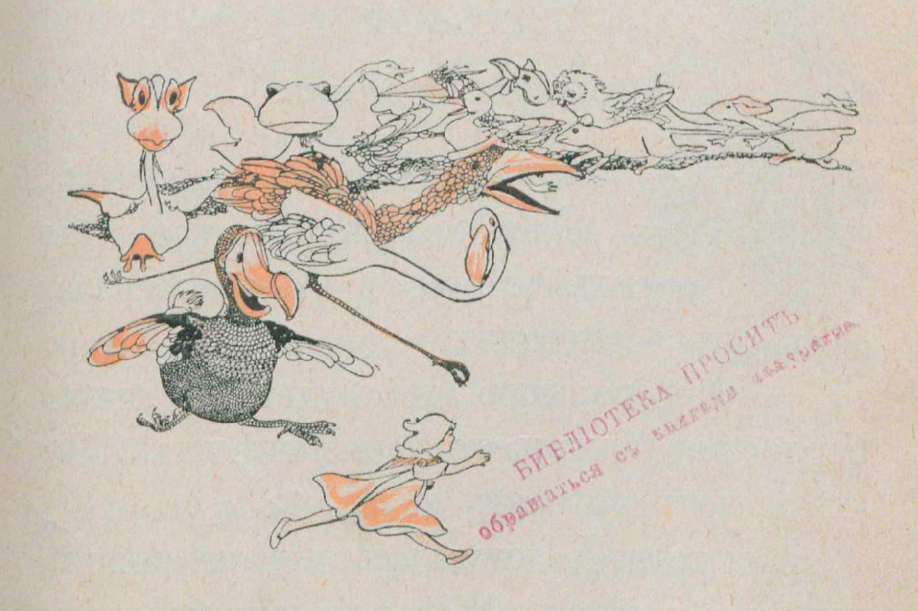
— Васенька это нашъ котикъ! — отвѣтила Аня. — Вы не повѣрите, какъ ловко онъ ловитъ мышей! А посмотрѣли бы вы, какъ онъ ловитъ птицъ! Просто удивленье! Какъ поймаетъ, такъ мигомъ съѣстъ.

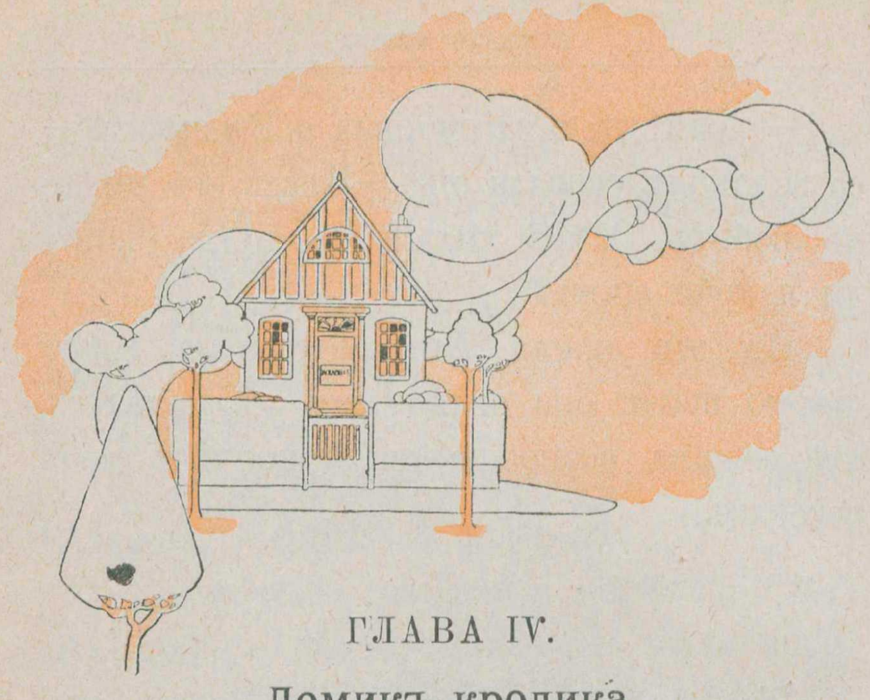
Эти слова всполошили всѣхъ. Нѣкоторыя птицы тотчасъ улетѣли. Старая сорока встряхнулась и полетѣла, сказавъ: „Мнѣ пора домой, ужъ поздно, здѣсь можно простудиться“, а маленькая канарейка, вся трясясь отъ страха, пропищала своимъ дѣткамъ: „Скорѣй домой! Вамъ спать пора!“

Скоро всѣ птицы разлетѣлись подъ разными предлогами, и Аня осталась одна-одинешенька.

— Зачѣмъ я заговорила о Васенькѣ?— со вздохомъ сказала она.—Здѣсь его никто не любитъ. О, мой милый Васенька, увижу ли я тебя снова!

Въ это время Аня услышала вдали чьи-то шаги; она оглянулась въ надеждѣ, что мышка возвращается докончить свой разсказъ.

ГЛАВА IV.

Домикъ кролика.

Но то была не мышка, а кроликъ. Онъ шелъ медленно и какъ бы искалъ что-то, и Аня слышала, какъ онъ бормоталъ:

— О, горе, горе! что будетъ со мною! Герцогиня прикажетъ меня повѣсить!.. Но гдѣ я могъ потерять ихъ?..

Аня тотчасъ догадалась, что онъ ищетъ перчатки и вѣеръ. Желая помочь кролику, она принялась искать ихъ, но послѣ ея купанья въ прудѣ все кругомъ совсѣмъ

измѣнилось, и большой коридоръ съ стекляннымъ столикомъ и маленькою дверью исчезли безслѣдно.

Увидѣвъ Аню, искавшую его вещи, кроликъ сердито крикнулъ ей:

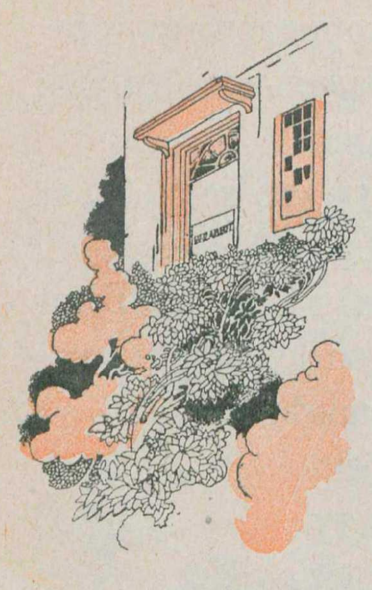
— Маша, что ты тутъ дѣлаешь? Бѣги скорѣй домой и принеси мнѣ пару перчатокъ и вѣеръ. Скорѣй, скорѣй!

Аня такъ испугалась, что опрометью побѣжала въ ту сторону, куда указалъ ей кроликъ.

— Онъ принялъ меня за свою прислугу, — пробормотала Аня, продолжая бѣжать. — Какъ онъ удивится, когда узнаетъ, кто я!.. Надо скорѣе принести ему его вѣеръ и перчатки.

Она подбѣжала къ маленькому красивому домику; на дверяхъ была мѣдная дощечка съ надписью: „Б. Кроликъ". Аня вбѣжала на крыльцо и быстро поднялась по

лѣстницѣ, опасаясь встрѣтить настоящую Машу раньше, чѣмъ найдетъ вѣеръ и перчатки.

— Ха, ха, ха! Какъ смѣшно! — засмѣялась Аня.—Я исполняю порученіе кролика! Пожалуй, и Васенька будетъ давать мнѣ порученія!.. Ха, ха, ха!

Поднявшись наверхъ, Аня вошла въ чистую комнатку. Передъ окномъ на столикѣ лежали вѣеръ и нѣсколько паръ крошечныхъ перчатокъ. Аня взяла со столика вѣеръ и пару перчатокъ и только что собралась уходить, какъ замѣтила у зеркала маленькій пузырекъ. Хотя на немъ не было написано: „выпей!“, Аня все-таки вынула пробку и приложила пузырекъ къ губамъ.

„Удивительно, какъ только я съѣмъ или выпью что-нибудь, со мной непремѣнно случится что-то необыкновенное, — думала

Аня. — Посмотримъ, что будетъ со мною, если я выпью весь пузырекъ?... Надѣюсь, что я опять выросту. Ужъ очень мнѣ надоѣло быть такой крошкой!..“

Дѣйствительно, такъ и случилось, и даже скорѣе, чѣмъ Аня ожидала; едва успѣла она опорожнить пузырекъ до половины, какъ почувствовала, что растетъ необычайно быстро. Не прошло и минуты, какъ голова ея стукнулась о потолокъ, и Аня поспѣшила нагнуться, чтобы не свернуть себѣ шею.

Аня поспѣшно отбросила отъ себя пузырекъ.

— Довольно, довольно расти!..—вскричала она,—вѣдь я и теперь не пройду въ дверь!.. И зачѣмъ только я такъ много выпила!..

Но сожалѣть объ этомъ было поздно. Аня продолжала быстро расти и вскорѣ должна была опуститься на колѣни, а въ слѣдующую минуту ей стало тѣсно и въ такомъ положенiи, и она должна была

растянуться на полу и упереться локтемъ въ дверь, а другую руку подложить себѣ подъ голову.

Аня сильно испугалась. Видя, что она продолжаетъ расти съ прежней быстротой и ей становится очень тѣсно въ комнатѣ, она просунула руку въ окно, а ногу протянула въ каминъ.

— Что-то будетъ дальше?—бормотала испуганная дѣвочка.—Здѣсь для меня нѣтъ больше мѣста. Эти стѣны скоро задушатъ меня!..

Къ счастью для Ани, дѣйствіе заколдованнаго пузырька прекратилось—она перестала расти, но потеряла всякую надежду выбраться когда-либо изъ этой комнаты.

— Дома было гораздо лучше,—вздыхала Аня,—тамъ я не дѣлалась каждую минуту то большой, то маленькой, и тамъ мною не командовали ни мыши, ни кролики. И зачѣмъ только я побѣжала за кроликомъ?.. Когда я читала сказки, то всегда думала, что ничего подобнаго быть не мо-

жетъ, а теперь я сама участвую въ такой сказкѣ!..

Въ это время снаружи послышался чей-то голосъ:

— Маша! Маша! принеси мнѣ скорѣе перчатки!—а вслѣдъ затѣмъ на лѣстницѣ раздался топотъ маленькихъ ногъ.

Аня догадалась, что кроликъ ищетъ ее, и задрожала отъ страха такъ сильно, что весь домикъ затрясся, — она совсѣмъ

забыла, что теперь сама была въ тысячу разъ больше кролика и что ей нечего было его бояться.

Кроликъ подошелъ къ двери и пытался отворить ее, но всѣ его усилія были напрасны, потому что Аня плотно упиралась въ дверь.

— Придется войти черезъ окно!.. — пробормоталъ кроликъ.

— Посмотримъ, какъ ты войдешь! — прошептала Аня.

Она стала прислушиваться. Черезъ нѣсколько минутъ ей показалось, что кроликъ подошелъ къ окну, приставилъ лѣстницу и поднимается наверхъ.

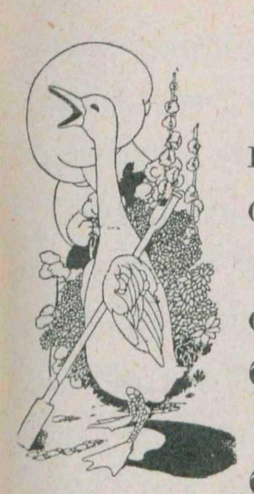
Аня быстро протянула руку въ окно, чтобы схватить его, но это ей не удалось; затѣмъ послышался чей-то слабый крикъ, паденіе чего-то и звукъ разбитыхъ стеколъ.

„Должно быть, онъ упалъ на парникъ“,—подумала Аня.

Затѣмъ она услышала, какъ кроликъ сердито крикнулъ:

Аня быстро протянула руку въ окно (стр. 44).

— Гусь! Гусь! Гдѣ же ты?

— Гдѣ мнѣ быть! Я здѣсь, ваша милость! Копаю яблоки!— отвѣтилъ чей-то голосъ.

— Копаешь яблоки?.. Иди скорѣй сюда! Помоги мнѣ выбраться изъ парника!

Снова послышался звонъ разбитыхъ стеколъ.

— Теперь скажи мнѣ, Гусь, что тамъ въ окнѣ наверху?

— Рука, ваша милость!

— Ахъ ты, оселъ! Развѣ бываютъ такія большія руки? Она вѣдь занимаетъ все окно!

— И все-таки это рука, ваша милость!

— Но тамъ ей не мѣсто; поди, убери ее!

Наступила тишина. Внизу послышался шопотъ, и Аня уловила только нѣсколько отрывочныхъ словъ: „готовъ услужить

вамъ, ваша милость!—Нѣтъ, страшно, ваша милость!—Жалкій трусъ! Дѣлай, что тебѣ приказываютъ!“

Затѣмъ все затихло. Аня снова протянула руку, какъ бы собираясь схватить кого-то, и опять послышался звонъ разбитыхъ стеколъ и чей-то испуганный крикъ.

„Какъ у нихъ много парниковъ!—подумала Аня. — Интересно знать, что они теперь будутъ дѣлать? Развѣ вытащутъ меня отсюда чрезъ окно? Но вѣдь мнѣ не пролѣзть!.. Ахъ, какъ мнѣ хочется уйти отсюда!..“

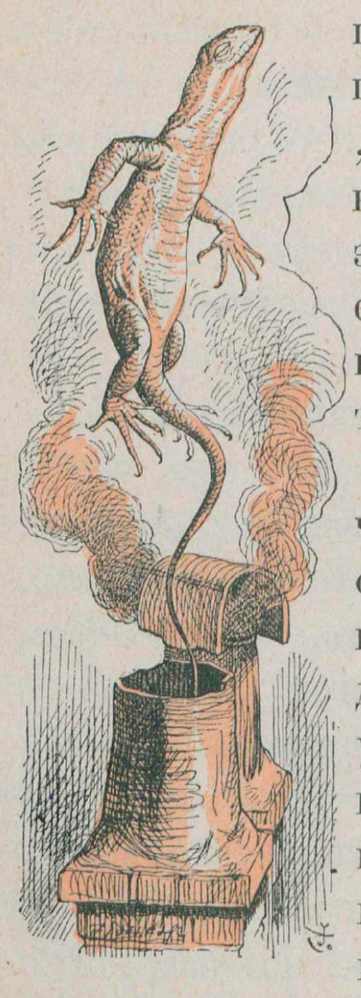
Аня стала прислушиваться; кругомъ было тихо. Наконецъ загремѣла маленькая телѣжка съ веревочной лѣстницей и раздалось множество голосовъ, кричавшихъ: „Гдѣ другая лѣстница?—Мнѣ велѣли привезти только одну! — Другая у Ящера! — Эй, Ящеръ, принеси-ка другую! — Приставьте ее сюда къ стѣнѣ!—Она коротка!— Надо связать обѣ лѣстницы!—Не надо, и такъ хватитъ!—Эй, Ящеръ, лови веревку!—

Выдержитъ ли крыша? — Берегись, чтобъ съ крыши не упала черепица! — Ай, ай, падаетъ, берегитесь! — Кто полѣзетъ въ трубу? — Я не полѣзу! — И я тоже! — Я тоже! — Пусть лѣзетъ Ящеръ! — Слышь, Ящеръ, его милость приказываетъ тебѣ лѣзть въ трубу!"

— Вотъ что! — пробормотала Аня. — Ящеръ долженъ пролѣзть сюда черезъ трубу! Они, кажется, очень надѣются на него, но я не хотѣла бы быть на его мѣстѣ. Правда, каминъ неширокъ, но я все-таки могу въ немъ двигать ногой!

Аня вытянула ногу насколько могла и стала ждать. Вскорѣ она услыщала, какъ въ трубѣ карабкается какой-то звѣрекъ. Почувствовавъ, что сверху что-то коснулось ея ноги, Аня сильно поддала ногою вверхъ и стала ждать, что будетъ дальше.

Сначала она услышала множество голосовъ: „Смотрите, смотрите, какъ высоко взлетѣлъ нашъ Ящеръ!" а затѣмъ раздался голосъ кролика: „Ловите, ловите его!" а

послѣ минутной тишины послышались голоса: „Поддержите ему голову!—Немного вина!—Вы задушите его!—Какъ ты себя чувствуешь, старина?—Что случилось съ тобою?—Разскажи намъ?“

— Я самъ не знаю, что со мною случилось,—отвѣтилъ Ящеръ слабымъ голосомъ,—нѣтъ, благодарю, довольно вина! Я уже чувствую себя лучше, но я слишкомъ взволнованъ, чтобы разсказывать. Я знаю только, что когда я спустился въ трубу, тамъ вдругъ поднялось что-то въ родѣ Ваньки-встаньки и я, какъ ракета, вылетѣлъ оттуда!

— Это мы видѣли, бѣдняга!—раздались кругомъ голоса.

— Надо сжечь домъ! — крикнулъ кроликъ.

— Если вы это сдѣлаете, я натравлю на васъ Васеньку, — крикнула имъ Аня.

Наступила глубокая тишина.

— Что-то они теперь затѣютъ? — спрашивала себя Аня. — Хоть бы догадались сорвать крышу!

Черезъ нѣсколько минутъ внизу снова зашумѣли.

— Одной телѣжки за глаза довольно! — кричалъ кроликъ.

— Одной телѣжки съ чѣмъ? — спросила себя Аня.

Аня не долго оставалась въ неизвѣстности. Черезъ нѣсколько мгновеній въ окно полетѣлъ настоящій градъ мелкихъ камней, изъ которыхъ нѣсколько попали Анѣ въ лицо.

— Этому надо положить конецъ, — сказала Аня и строго крикнула въ окно:

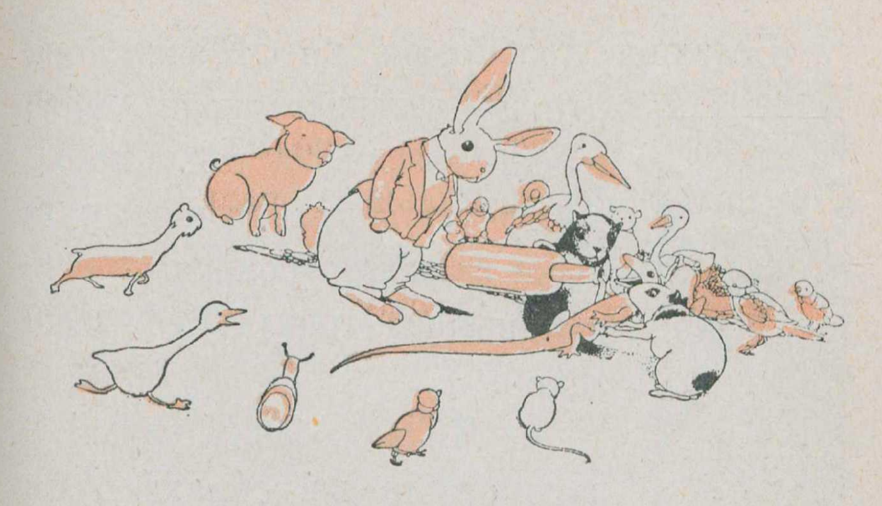
— Не смѣйте бросать камни!

Снова наступила тишина. И тутъ Аня къ своему изумленію замѣтила, что всѣ камни превратились въ пирожныя.

„Если я съѣмъ одно изъ нихъ,—подумала Аня,—то, навѣрное, сдѣлаюсь опять маленькой“.

Аня съѣла пирожное и къ своей великой радости тотчасъ почувствовала, что становится меньше.

Наконецъ она уменьшилась настолько, что могла пройти въ дверь. Быстро отворивъ ее, Аня выбѣжала изъ дома, передъ которымъ собралась многочисленная толпа маленькихъ звѣрей и птицъ. Бѣдную маленькую ящерицу поддерживали за лапки

двѣ морскія свинки, дававшія ей лѣкарство изъ маленькаго пузырька.

Какъ только Аня выбѣжала изъ дома, всѣ съ крикомъ набросились на нее; но она бѣжала такъ быстро, что скоро добралась до опушки небольшого лѣса.

— Теперь мнѣ надо снова вырасти,—сказала Аня,—а потомъ пробраться въ тотъ чудесный садъ.

Боязливо пробираясь по лѣсочку, она вдругъ услышала надъ собою рѣзкій визгливый лай. Сверху на нее уставилась своими круглыми глазами огромная собака, пытавшаяся тронуть ее своей лапой.

— Милая собачка, милая!— заговорила въ страхѣ Аня ласковымъ голосомъ, стараясь умилостивить собаку и боясь, какъ бы она не съѣла ее.
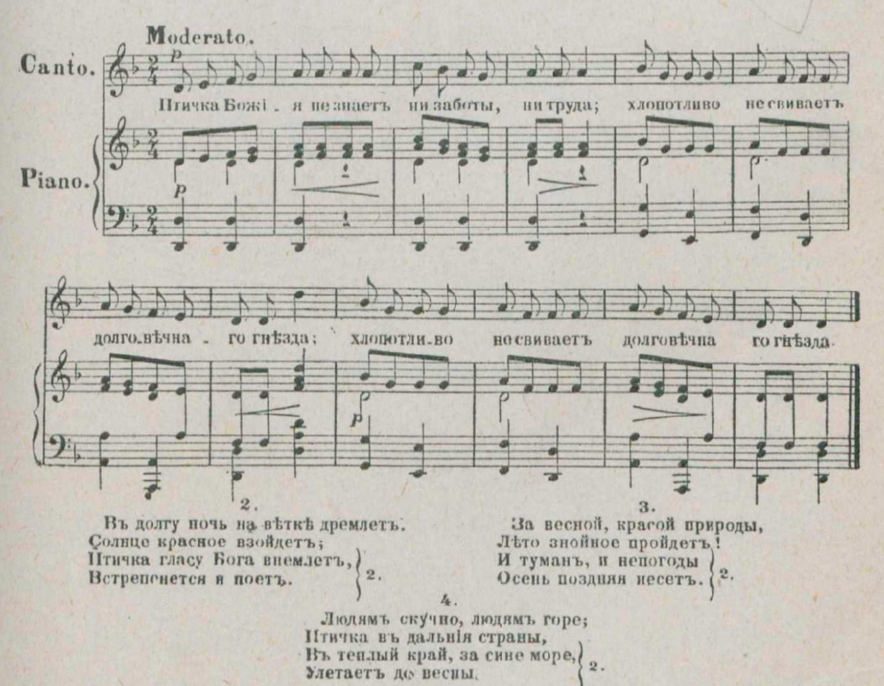
Аня подняла палочку и бросила ее вверхъ. Собака весело залаяла и, поймавъ на лету палку, стала играть и бѣгать съ нею по лужку.

Аня безъ оглядки бросилась бѣжать и бѣжала она до тѣхъ поръ, пока лай собаки не затихъ вдали.

„Какая хорошенькая собачка!—думала Аня, остановившись, чтобы перевести духъ,

и обмахиваясь одуванчикомъ. — Я съ удовольствіемъ выучила бы ее разнымъ фокусамъ, если бы не была такой маленькой. Да, но какъ мнѣ вырасти?... Придется опять съѣсть или выпить что-нибудь! Но что именно?..

Аня задумчиво пошла дальше. Въ лѣсу цвѣли полевые цвѣточки, зеленѣла травка, а птицы такъ громко и весело щебетали и пѣли, что Аня тоже запѣла:

Вдругъ Аня замѣтила огромный грибъ; осмотрѣвъ его со всѣхъ сторонъ, она поднялась на цыпочки, чтобы посмотрѣть, что находится на немъ.

На грибѣ сидѣла большая розовая гусеница и спокойно курила трубку, не обращая никакого вниманія на Аню.

ГЛАВА V.

Совѣтъ гусеницы.

Нѣсколько минутъ Аня и гусеница молча смотрѣли другъ на друга, а затѣмъ гусеница вынула изо рта трубку и спросила:

— Кто ты?

— Я... я... — отвѣтила въ смущеніи Аня, — я не знаю, кто я!.. Меня сегодня превращали нѣсколько разъ.

— Что ты хочешь этимъ сказать? — строго спросила гусеница. — Говори яснѣе!

— Я не знаю, какъ тебѣ объяснить. Ты сама видишь, что я совсѣмъ не я!

— Этого я не вижу.

— Не знаю, какъ тебѣ сказать... но если въ одинъ день превращаешься нѣсколько разъ то въ большую, то въ маленькую, такъ легко сбиться съ толку.

— Вздоръ! — сказала гусеница.

— Можетъ быть, съ тобой этого еще не случалось, — возразила Аня, — но рано или поздно ты превратишься въ куколку, а потомъ въ бабочку, и тогда ты тоже найдешь эти превращенія странными, не правда ли?

— Нисколько! — отвѣтила гусеница.

— А мнѣ все это кажется очень страннымъ!

— Тебѣ! — замѣтила съ презрѣніемъ гусеница. — Но кто же ты?

— Мнѣ кажется, сначала ты должна была бы сказать мнѣ, кто ты? — сказала обидѣвшись Аня.

— Почему? — спросила гусеница.

Аня не нашлась, что отвѣтить, и, замѣтивъ, что гусеница сердится, повернулась и ушла.

— Вернись, вернись! — крикнула ей гусеница. — Мнѣ надо сказать тебѣ нѣчто очень важное!

Аня вернулась.

— Ты слишкомъ обидчива! — сказала гусеница.

— И это все, что ты хотѣла мнѣ сказать? — спросила съ досадой Аня.

— Нѣтъ.

Аня рѣшила подождать, что скажетъ ей гусеница, тѣмъ болѣе, что торопиться ей было некуда. Нѣсколько минутъ гусеница молча курила свою трубку, а затѣмъ спросила:

— Ты думаешь, что ты превращена?

— Да, госпожа Гусеница, я все забыла, ничего не могу запомнить и каждыя десять минутъ превращаюсь то въ большую, то въ маленькую!

— Ничего не можешь запомнить?

— Ничего, даже всѣ стихи перезабыла! — грустно отвѣтила Аня.

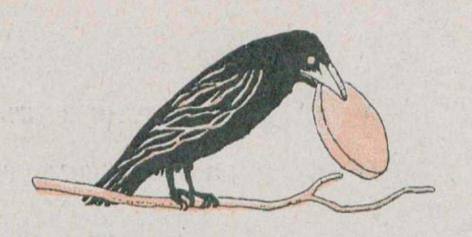
— Ну скажи басню „Ворона и Лисица“, — приказала гусеница.

Аня начала:

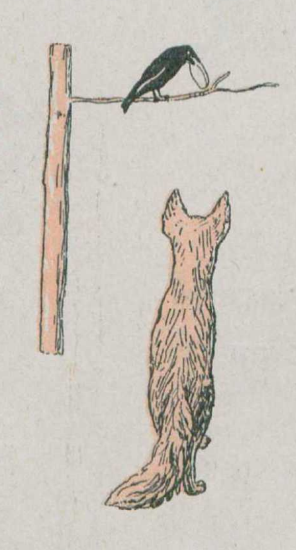
Ворона и Лисица.

Ужъ сколько разъ твердили
міру,
Что лесть гнусна, вредна; но
только все не въ прокъ,
И въ сердцѣ льстецъ всегда
отыщетъ уголокъ.

—

Воронѣ гдѣ-то Богъ послалъ кусочекъ сыру;
На ель ворона взгромоздясь,
Позавтракать-было совсѣмъ ужъ собралась,
Да позадумалась, а сыръ во рту держала.

На ту бѣду лиса близехонько бѣжала;
Вдругъ сырный духъ лису остановилъ:
Лисица видитъ сыръ — лисицу сыръ плѣнилъ.

Плутовка къ дереву
на цыпочкахъ подходитъ;
Вертитъ хвостомъ,
съ вороны глазъ не сводитъ,
И говоритъ такъ сладко,
чуть дыша:

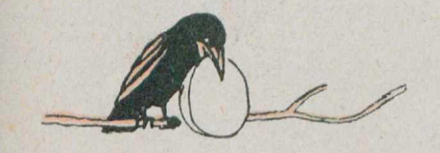
„Голубушка, какъ хороша!
Ну, что за шейка, что за
глазки!
Разсказывать, такъ право,
сказки!

Какія перышки! Какой
носокъ!
И, вѣрно, ангельскій быть
долженъ голосокъ!

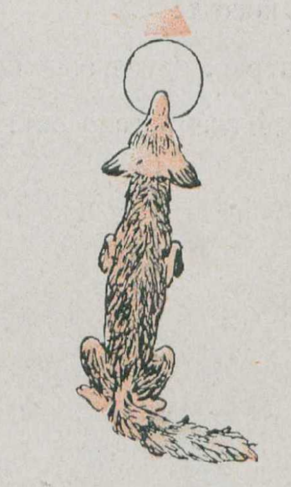

Спой, свѣтикъ, не стыдись!
Что ежели, сестрица,
При красотѣ такой и пѣть
ты мастерица,
Вѣдь ты бъ у насъ была
царь-птица!“

Вѣщуньина съ похвалъ
вскружилась голова,
Отъ радости въ зобу
дыханье сперло—
И на привѣтливы лисицыны
слова
Ворона каркнула во все
воронье горло:

Сыръ выпалъ — съ нимъ
была плутовка такова.

— Невѣрно,—замѣтила гусеница.

— Можетъ быть, я немного ошиблась,— покорно согласилась Аня.

— Ты переврала все, отъ начала до конца,—строго сказала гусеница.

Наступило долгое молчаніе. Наконецъ гусеница снова заговорила:

— На много ли ты хочешь вырасти?

— Я хотѣла бы вырасти настолько, чтобы быть такой, какой я была дома. Вѣдь эти постоянныя превращенія очень непріятны, не правда ли?

— Неправда!—возразила гусеница.

Аня промолчала; ей никогда такъ много не противорѣчили, какъ въ этотъ день, и она снова почувствовала себя обиженной.

— Я хотѣла бы быть хоть немного выше, госпожа Гусеница, — заговорила Аня,—пять съ половиною дюймовъ слишкомъ жалкій ростъ.

— А я нахожу, что такой ростъ очень пріятенъ!—возразила гусеница, поднимаясь во весь свой трехдюймовый ростъ.

— Но я не привыкла быть такой маленькой,— возразила Аня сквозь слезы, и подумала: „Какъ всѣ они обидчивы!“

— Со временемъ привыкнешь къ этому,—сказала гусеница, снова закуривъ свою трубку.

Аня покорно ждала, когда она опять заговоритъ.

Черезъ нѣсколько минутъ гусеница вынула трубку изо рта, зѣвнула нѣсколько разъ, встряхнулась и, сползая съ гриба, сказала:

— Одна сторона сдѣлаетъ тебя большой, а другая — маленькой.

— Одна сторона чего? другая сторона чего? — спросила въ недоумѣніи Аня.

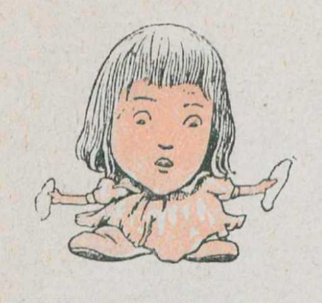
— Гриба,—отвѣтила гусеница и скрылась въ травѣ.

Аня простояла нѣсколько минутъ передъ грибомъ, осматривая его со всѣхъ сторонъ и отыскивая тѣ двѣ стороны, о которыхъ говорила гусеница; но грибъ былъ совсѣмъ круглый, и Аня не знала, что дѣлать. Наконецъ она обхватила грибъ руками и отломила съ двухъ сторонъ по кусочку.

— Съ котораго же мнѣ начать?—спросила себя Аня, и откусила отъ того куска, который держала въ правой рукѣ.

Въ ту же минуту ея подбородокъ такъ сильно ударился объ ея ноги, что она вскрикнула отъ боли.

Такое внезапное превращенiе ужасно испугало Аню. Ея подбородокъ былъ такъ плотно прижатъ къ ступнямъ, что она съ

трудомъ могла открыть ротъ; но наконецъ ей удалось поднести руку ко рту и откусить кусочекъ отъ того куска, который она держала въ лѣвой рукѣ.

Едва успѣла Аня проглотить этотъ кусочекъ, какъ вздохнула съ облегченіемъ.

— Ахъ, наконецъ-то моя голова снова свободна! — воскликнула она.

Но въ слѣдующую минуту она очень испугалась, замѣтивъ, что у ней исчезли плечи и что шея ея вытянулась въ видѣ очень длиннаго стебля надъ моремъ зеленыхъ листьевъ, виднѣвшихся подъ нею.

— Какіе это тамъ внизу листья? И куда дѣвались мои плечи, руки и ноги? — спрашивала себя съ недоумѣніемъ Аня.

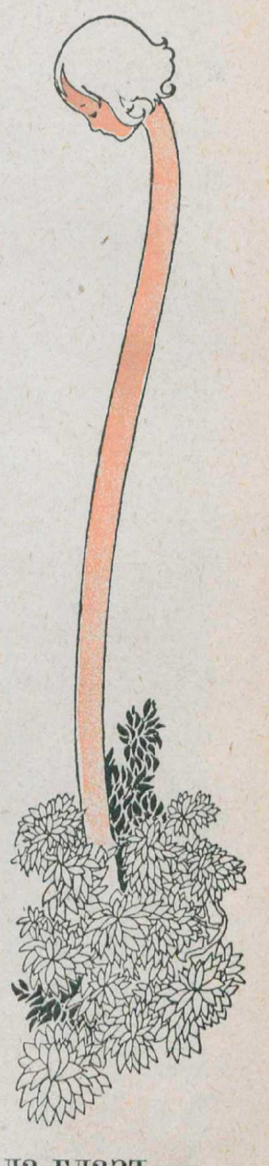
Чувствуя, что ея руки находятся внизу, она попыталась размахивать ими, но замѣтила только, что листья внизу немного зашевелились.

Такъ какъ ей не удавалось поднять

Аня могла поворачивать шею во всѣ стороны (стр. 67).

руки къ головѣ, то она нагнула голову къ рукамъ и была въ восторгѣ, что можетъ какъ змѣя нагибать и поворачивать шею во всѣ стороны.

Свернувъ граціозно свою шею кольцомъ, она только что хотѣла нырнуть въ листву окружавшихъ ее деревьевъ, какъ на нее налетѣлъ голубь и началъ бить ее крыльями.

— Змѣя! — кричала голубка.

— Я не змѣя! — сказала обидѣвшись Аня.

— Змѣя! змѣя! — повторяла голубка сквозь слезы. — Я вила гнѣзда на берегу, въ кустарникахъ, на скалахъ, и противныя змѣи нигдѣ не давали мнѣ покоя, всюду поѣдали мои яйца. Уже три недѣли я не смыкала глазъ — все сторожила свое гнѣздо!

— Мнѣ очень жаль, что у тебя такъ много хлопотъ, — сказала Аня.

— Теперь я свила себѣ гнѣздо въ лѣсу на самомъ высокомъ деревѣ, — продолжала голубка, — и надѣялась, что наконецъ избавилась отъ этихъ противныхъ змѣй, а онѣ заползаютъ даже сюда. Прочь отсюда, противная змѣя!

— Но я не змѣя! — возразила Аня, — я... я...

— Такъ кто же ты? — спросила голубка.

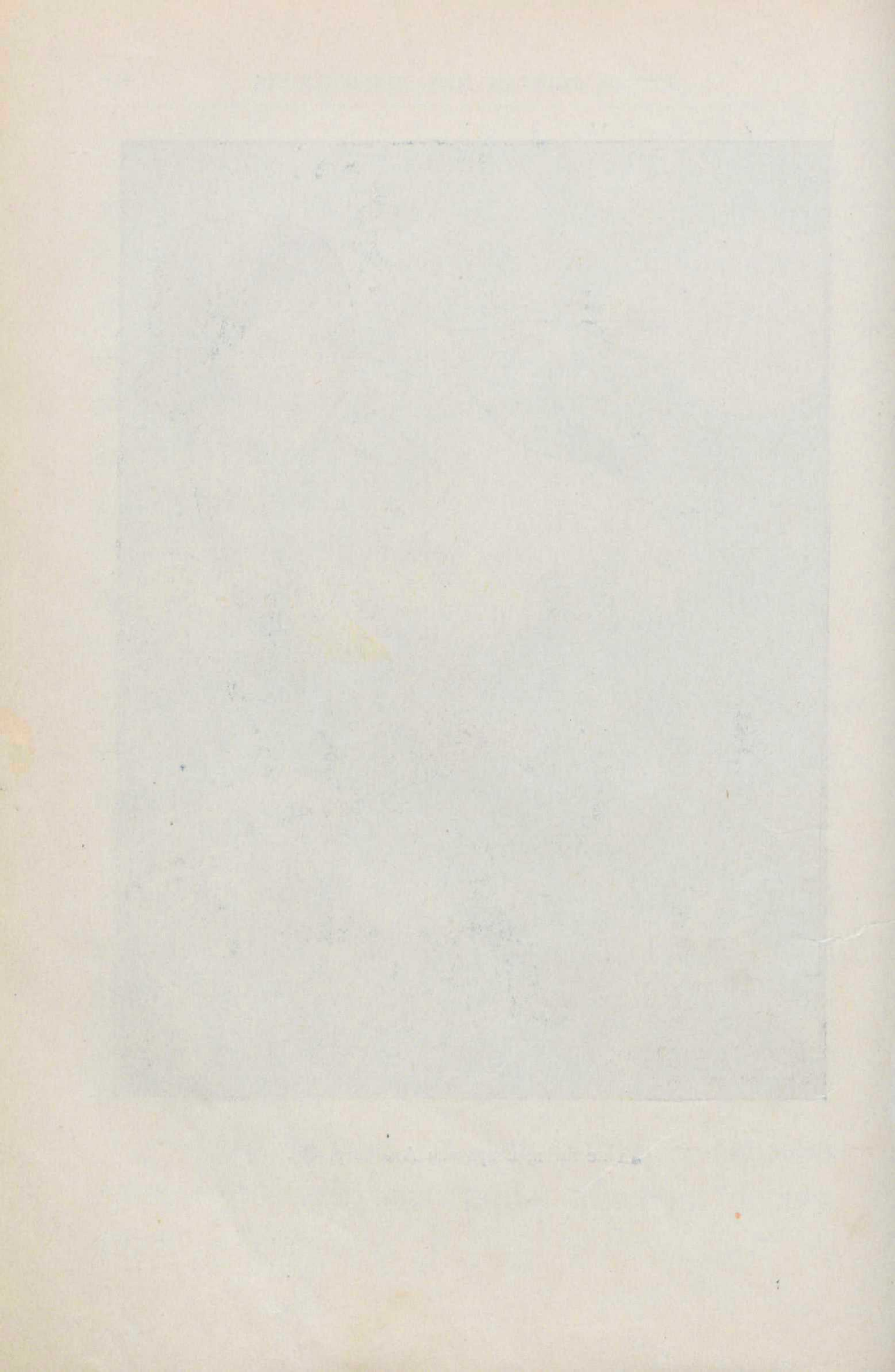
— Я... я маленькая дѣвочка, — отвѣтила нерѣшительно Аня, вспоминая всѣ свои превращенія за этотъ день.

— Вздоръ, не лги! — строго сказала голубка. — Я видѣла много дѣвочекъ, но ни у одной изъ нихъ не было такой шеи! Нѣтъ, нѣтъ! Не отговаривайся, ты змѣя! Пожалуй, ты еще скажешь, что никогда не ѣла яицъ?

— Не скрою, я ѣла яйца, — сказала Аня, — но всѣ маленькія дѣвочки ѣдятъ яйца.

„Я не змѣя, возразила Аня (стр. 68).

— Не вѣрю, — сказала голубка, — если же онѣ ѣдятъ яйца, то онѣ тоже змѣи.

Эти слова смутили Аню.

— Я знаю, ты ищешь яйца,—продолжала голубка, — и потому мнѣ все равно, змѣя ли ты или дѣвочка!

— Но мнѣ не все равно! — возразила Аня,—и если бы я даже ѣла яйца, то все-таки не тронула бы твоихъ, потому что сырыхъ я не ѣмъ.

— Такъ убирайся отсюда! — сказала съ досадою голубка, усаживаясь въ гнѣздѣ.

Аня нагнулась, но длинная шея ея то и дѣло запутывалась въ вѣтвяхъ, и она не безъ труда высвобождала ее.

Вспомнивъ, что у ней въ рукахъ кусочки гриба, она стала откусывать понемногу то отъ одного, то отъ другого и, становясь попеременно то больше, то меньше, наконецъ достигла своего обычнаго роста.

Аня такъ давно не видѣла себя такою, какой была дома, что ей это сначала пока-

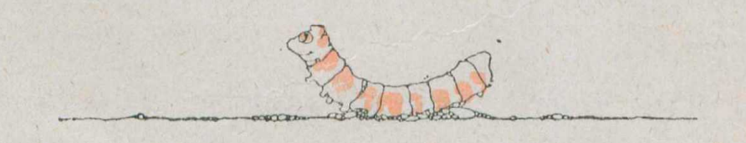
залось страннымъ; но она скоро свыклась съ этимъ.

— Эти вѣчныя превращенія собьютъ кого угодно съ толку!—проговорила Аня.— Слава Богу, теперь я опять такая, какъ была. Но какъ мнѣ пробраться въ тотъ чудесный садъ?

Въ это время она подошла къ просѣкѣ, среди которой находился маленькій домикъ въ четыре фута вышины.

— Мнѣ не войти туда — проговорила Аня.—Я теперь такая большая, что жильцы этого домика разбѣгутся со страху, когда увидятъ меня.

Не долго думая, Аня отгрызла кусочекъ гриба, который держала въ правой рукѣ, и, снова превратившись въ крошку ростомъ въ четверть аршина, нерѣшительно подошла къ домику.

ГЛАВА VI.

Поросенокъ и перецъ.

Нѣсколько мгновеній Аня простояла задумчиво передъ домикомъ. Вдругъ изъ лѣса прибѣжалъ лакей въ ливреѣ съ лицомъ какъ у рыбы и постучался въ дверь.

Отворилъ дверь лакей, тоже въ ливреѣ, съ круглымъ лицомъ и большими глазами, какъ у лягушки.

Рыба-лакей подалъ ему огромный пакетъ и торжественно сказалъ:

— Передайте герцогинѣ, что королева проситъ ее пожаловать на партію крокета.

Лягушка-лакей отвѣтилъ такъ же торжественно:

— Будетъ исполнено!

И они поклонились другъ другу такъ низко, что красивые локоны ихъ напудренныхъ париковъ перепутались.

Аня расхохоталась и убѣжала въ кусты, чтобы ее не увидѣли. Когда она снова выглянула, рыбы-лакея уже не было, а лягушка-лакей сидѣлъ у дверей и глупо смотрѣлъ на небо.

Аня нерѣшительно подошла къ двери и постучалась.

— Ты напрасно сту-

чишь, — сказалъ лакей, — тамъ такъ шумятъ, что все равно не услышатъ.

И дѣйствительно, внутри раздавался странный шумъ, завыванія и чиханіе, а отъ времени до времени звонъ битой посуды.

— Скажите, какъ мнѣ войти? — спросила Аня.

Лакей промычалъ что-то въ отвѣтъ, и опять уставился глазами въ небо.

„Можетъ быть, онъ не можетъ смотрѣть иначе: вѣдь глаза у него на самомъ лбу!“ подумала Аня. „Но отчего онъ не отвѣчаетъ мнѣ?“

— Какъ мнѣ войти? — громко спросила она снова.

— Я буду сидѣть здѣсь до завтра, или...

Въ это время дверь быстро отворилась и изъ дома вылетѣла тарелка, задѣвшая по носу лакея.

— До послѣзавтра! — продолжалъ лакей, какъ будто ничего не случилось.

— Какъ же мнѣ войти?—спросила Аня въ третій разъ еще громче.

— Развѣ тебѣ непремѣнно надо войти? — спросилъ лакей. — Я буду сидѣть здѣсь по цѣлымъ днямъ!

— Это ужасно!—пробормотала Аня.— Какой глупый нахалъ! Съ нимъ можно съума сойти!

— Что же мнѣ дѣлать?—спросила она нетерпѣливо.

— Что хочешь, — отвѣтилъ лакей насвистывая что-то.

— Это дуракъ, съ нимъ не стоитъ разговаривать! — рѣшила Аня, потерявъ терпѣніе, и рѣшительно подошла къ двери.

Отворивъ дверь, Аня вошла въ большую кухню, наполненную дымомъ; посреди сидѣла на табуреткѣ герцогиня съ спеленутымъ ребенкомъ на колѣняхъ; кухарка стояла у плиты и мѣшала въ кастрюлѣ какую-то похлебку.

Герцогиня держала ребенка на колѣняхъ (стр. 74).

— Должно быть... чхи!.. въ супѣ... чхи!.. очень много перцу! — пробормотала Аня, чихая безъ конца.

Дѣйствительно, вся кухня была такъ сильно пропитана перцемъ, что герцогиня и ребенокъ также чихали безъ передышки, причемъ ребенокъ, чихая, оралъ во все горло. Не чихала только кухарка и большой котъ, сидѣвшій у плиты и скалившій до ушей зубы.

— Скажите, пожалуйста, — спросила вѣжливо Аня, — отчего вашъ котъ скалитъ зубы?

— Оттого, что онъ зубоскалъ!.. Молчи, поросенокъ!—прикрикнула герцогиня.

Аня покраснѣла отъ такой обиды, но тотчасъ успокоилась, замѣтивъ, что послѣднія слова сказаны были не ей, а ребенку.

— Я не знала, что кошки умѣютъ скалить зубы! — сказала Аня.

— Всѣ онѣ дѣлаютъ это!

— Но раньше я этого никогда не видѣла.

— Ты еще очень многаго не видѣла,— сказала наставительно герцогиня.

Это замѣчаніе не понравилось Анѣ, и она рѣшила перемѣнить разговоръ. Но въ это время кухарка сняла съ плиты кастрюлю съ супомъ и начала швырять въ герцогиню и ребенка всѣмъ, что попадало ей подъ руки: сначала полетѣла кочерга, а затѣмъ сковородки, кастрюли, тарелки и миски. Герцогиня не обращала на это никакого вниманія, хотя въ нее и попало нѣсколько тарелокъ; ребенокъ же продолжалъ неистово кричать.

— Ай, берегитесь, берегитесь! — кричала въ ужасѣ Аня, суетясь около герцо-

гини. — Ай, ай! чуть не попало ему въ носикъ! — вскрикнула она, когда большая сковородка пролетѣла мимо носа ребенка.

— Что ты суешься не въ свое дѣло! — крикнула ей герцогиня сиплымъ голосомъ.

— Но вѣдь такъ можно убить ребенка!

— Что ты тамъ болтаешь? Эй, Марья, отруби ей голову.

Аня въ испугѣ посмотрѣла на кухарку, исполнитъ ли та приказаніе своей госпожи; но кухарка снова начала мѣшать супъ.

— Сударыня, я не понимаю, какъ можете вы...

— Оставь меня въ покоѣ! — прервала ее герцогиня, укачивая ребенка колыбельной пѣсней и награждая его послѣ каждаго стиха здоровымъ шлепкомъ:

Бей мальчишку, не жалѣй,
И не будетъ онъ чихать!
Розогъ, розогъ поскорѣй —
Перестанетъ онъ кричать!

Вовъ! вовъ! вовъ!

подхватили хоромъ кухарка и ребенокъ.

Напѣвая второй куплетъ, герцогиня принялась такъ сильно раскачивать ребенка, что бѣдняжка пронзительно заоралъ, и Аня не могла разслышать словъ второго куплета.

— Вотъ, присмотри за нимъ, если хочешь! — сказала герцогиня, кончивъ пѣсенку и бросая ребенка Анѣ. — Мнѣ надо одѣться и идти играть въ крокетъ съ королевой.

Съ этими словами герцогиня убѣжала въ другую комнату, а вслѣдъ ей кухарка швырнула большую сковородку, но къ счастью промахнулась.

Аня съ трудомъ

подхватила ребенка, который пыхтѣлъ какъ локомотивъ и ежеминутно съеживался и вытягивался, такъ что его трудно было удержать на рукахъ.

Это было какое-то уродливое существо, вытягивавшее свои ручки и ножки во всѣ стороны: „совсѣмъ какъ морская звѣздочка!“ подумала Аня.

Чтобы не выронить ребенка, Аня схватила его за правое ухо и лѣвую ножку и вышла съ нимъ изъ дома.

— Если я не возьму его съ собою,— сказала Аня, — то они убьютъ его. Это было бы ужасно!

При этихъ словахъ маленькое существо захрюкало какъ поросенокъ.

— Перестань хрюкать! Это неприлично! — сказала ему Аня.

Ребенокъ снова захрюкалъ. Аня съ безпокойствомъ взглянула на него. У него былъ очень выдающійся, похожій на мордочку, носъ и чрезвычайно крошечные глазки. Видъ этотъ смутилъ Аню.

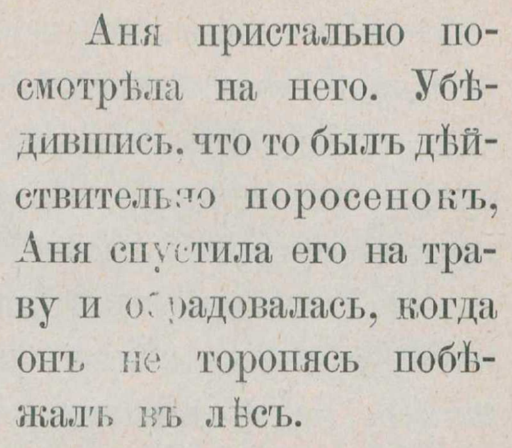
— Если ты поросенокъ,— строго сказала Аня,—такъ я знать тебя не хочу!

Маленькое существо снова захрюкало, но Анѣ показалось, что оно всхлипываетъ, и она пошла съ нимъ дальше.

„А если это поросенокъ, что я съ нимъ буду дѣлать?“ подумала Аня, когда крошка снова громко захрюкалъ.

Поросенокъ побѣжалъ въ лѣсъ (стр. 81).

Аня пристально посмотрѣла на него. Убѣдившись, что то былъ дѣйствительно поросенокъ, Аня спустила его на траву и обрадовалась, когда онъ не торопясь побѣжалъ въ лѣсъ.

— Какъ ребенокъ, это совсѣмъ уродъ, а какъ поросенокъ — хорошенькое животное! — пробормотала Аня.

Вдругъ она въ испугѣ остановилась: надъ нею на вѣткѣ сидѣлъ Котъ-Скалозубъ.

Увидѣвъ Аню, котъ оскалилъ зубы.

„Кажется, онъ не злой, — подумала Аня,— но у него острые когти и много зубовъ. Надо быть съ нимъ вѣжливой“.

— Скажи мнѣ, котикъ, по которой дорогѣ мнѣ идти? — спросила вѣжливо Аня.

— Скажи мнѣ сначала, куда ты хочешь идти? — спросилъ котъ.

— Мнѣ все равно куда!

— Въ такомъ случаѣ тебѣ все равно по какой дорогѣ идти! — отвѣтилъ котъ.

— Мнѣ бы только дойти куда-нибудь, — пояснила Аня. — Скажи мнѣ, кто живетъ тутъ поблизости?

— Тамъ живетъ Шляпкинъ,—сказалъ котъ, указывая налѣво лапой,—а направо живетъ Болтунъ-Заяцъ. Ступай къ любому изъ нихъ: оба они безтолковые!

— Я не хочу идти къ безтолковымъ!— сказала Аня.

— Но мы здѣсь всѣ безтолковые: я безтолковый, ты безтолковая!..

— Почему ты думаешь, что я безтолковая? — спросила Аня.

— Потому, что иначе ты не пришла бы сюда.

Аня не знала, что отвѣтить.

— А почему ты считаешь себя безтолковымъ? — спросила она.

— Приведу тебѣ примѣръ, — сказалъ котъ: — собака не безтолковая. Согласна?

— Согласна!

— Ну, хорошо,—продолжалъ котъ,— вѣдь собака ворчитъ, когда она сердита, и виляетъ хвостомъ, когда радуется, а я ворчу, когда радуюсь, и виляю хвостомъ, когда злюсь. Теперь ты видишь, что я тоже безтолковый.

— Ты мурлычишь, а не ворчишь! — замѣтила Аня.

— Это одно и то же... Ты будешь сегодня играть въ крокетъ съ королевой?— спросилъ котъ.

— Я поиграла бы съ удовольствіемъ, но меня еще не пригласили.

— Я сегодня еще увижусь тамъ съ тобою,—сказалъ котъ и вдругъ исчезъ.

Это нисколько не удивило Аню — она уже привыкла къ разнымъ чудесамъ.

Вдругъ котъ опять показался на прежнемъ мѣстѣ.

— Я чуть не забылъ спросить тебя, что сталось съ мальчишкой, котораго ты унесла?—спросилъ котъ.

— Онъ превратился въ поросенка.

— Я такъ и думалъ! — сказалъ котъ, и опять исчезъ.

Аня постояла съ минуту, ожидая, что котъ снова появится, а потомъ пошла въ ту сторону, гдѣ жилъ Болтунъ-Заяцъ. Вдругъ она снова увидѣла на деревѣ кота.

— Какъ ты сказала? Онъ превратился въ поросенка или жеребенка?

— Я сказала въ поросенка,—отвѣтила Аня. — Послушай, сдѣлай мнѣ одолженіе, не появляйся и не исчезай такъ внезапно: у меня отъ этого голова кружится.

— Хорошо, — сказалъ котъ и началъ медленно исчезать, начиная съ хвоста и кончая глазами и оскаленными зубами, которые еще виднѣлись нѣсколько времени послѣ того, какъ онъ уже весь исчезъ.

„Удивительно, — думала Аня, — видѣла я кошекъ съ оскаленными зубами, но одни оскаленные зубы безъ кошки никогда не видѣла!“

Аня пошла дальше и вскорѣ увидѣла домъ Болтуна-Зайца. Трубы на крышѣ

походили на заячьи уши, а крыша была крыта мѣхомъ. Домъ былъ значительной вышины, и потому Аня раньше, чѣмъ по-

дойти къ нему, отгрызла кусочекъ гриба съ лѣвой руки.

Сдѣлавшись ростомъ съ аршинъ, она нерѣшительно направилась къ дому, сказавъ:

— Лишь бы Болтунъ-Заяцъ былъ не совсѣмъ безтолковый!.. Пожалуй, лучше было идти къ Шляпкину!..

ГЛАВА VII.

Безтолковое общество.

Передъ домомъ стоялъ большой накрытый столъ, за которымъ сидѣли Шляпкинъ и Болтунъ-Заяцъ. Между ними спалъ крѣпкимъ сномъ сурокъ, служившій Шляпкину и Болтуну-Зайцу подушкой для локтей.

„Сурочку очень неудобно, — подумала Аня, — впрочемъ, онъ спитъ такъ крѣпко, что ничего не чувствуетъ“.

Столъ былъ большой, а между тѣмъ всѣ трое сидѣли тѣсно прижавшись другъ къ другу.

— Мѣста нѣтъ! Мѣста нѣтъ! — крикнули они подходившей къ нимъ Анѣ.

— Мѣста за глаза довольно! — возразила Аня и сѣла въ большое кресло, стоявшее въ концѣ стола.

— Не хочешь ли вина? — спросилъ Болтунъ-Заяцъ.

Аня посмотрѣла на столъ, но на немъ ничего не было, кромѣ чаю.

— Да вѣдь на столѣ нѣтъ вина!—сказала Аня.

— Правда, нѣтъ.

— Предлагать то, чего нѣтъ,—невѣжливо!—замѣтила съ досадой Аня.

— А садиться за столъ безъ приглашенія—тоже невѣжливо!—возразилъ Болтунъ-Заяцъ.

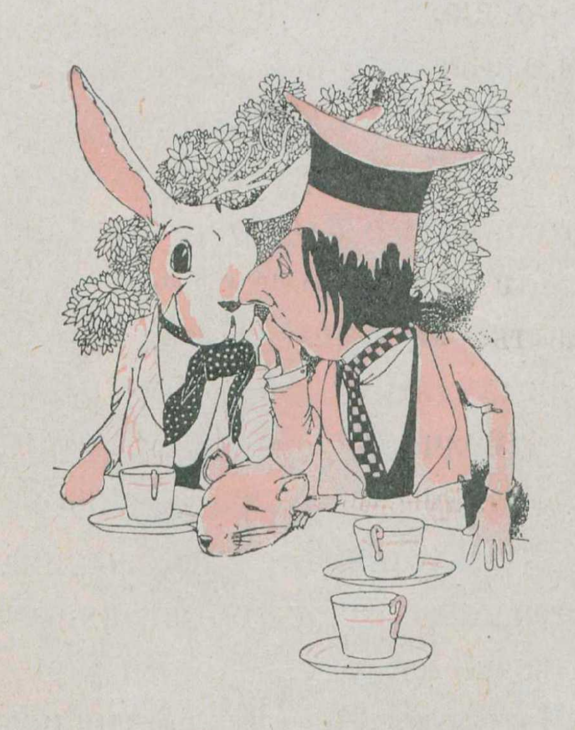
Тѣмъ временемъ Шляпкинъ съ большимъ любопытствомъ всматривался въ Аню.

— Тебѣ надо остричь волосы, — сказалъ онъ вдругъ.

— Тебѣ нѣтъ дѣла до моихъ волосъ!— строго замѣтила ему Аня.

При этомъ замѣчаніи Шляпкинъ широко открылъ глаза, а затѣмъ спросилъ:

— Отчего воронъ не лаетъ?

„Начинается потѣха,—подумала Аня.— Хорошо, что они начинаютъ задавать загадки". — Я разгадаю эту загадку, — сказала она громко.

— Ты думаешь, что разгадаешь? — спросилъ Болтунъ-Заяцъ.

— Думаю!

— Такъ скажи, что ты думаешь?

— Что я думаю, то и говорю! Это одно и то же.

— Совсѣмъ не одно и то же!—возразилъ Шляпкинъ.—Пожалуй, ты находишь, что сказать: „я вижу, что я ѣмъ“ и „я ѣмъ, что я вижу“, одно и то же?

— Или ты находишь, что одно и то же сказать: „я дышу, когда сплю“, и „я сплю, когда дышу“ — сказалъ сурокъ.

Всѣ замолчали.

— Которое число у насъ сегодня? — спросилъ Шляпкинъ Аню, вынимая изъ кармана часы и, сильно встряхнувъ ихъ, прикладывая къ уху.

— Четвертое,—отвѣтила Аня подумавъ.

— Отстаютъ на два дня! — вздохнулъ Шляпкинъ. — Говорилъ же я тебѣ, что масло испортитъ часы, — сказалъ онъ, съ досадою глядя на зайца.

— Масло было самое лучшее, — отвѣтилъ покорно Болтунъ-Заяцъ.

...Отстаютъ на два дня, вздохнулъ Шляпкинъ (стр. 90)

— Но, можетъ быть, съ масломъ туда попала крошка хлѣба, — ворчалъ Шляпкинъ, — ты не долженъ былъ брать масло хлѣбнымъ ножомъ.

Заяцъ взялъ часы и сталъ съ грустью осматривать ихъ, а затѣмъ окунулъ ихъ въ чай и снова замѣтилъ: „это было лучшее масло“.

Аня съ любопытствомъ взглянула на часы.

— Какіе странные часы! — пробормотала она. — Они показываютъ число, а не время.

— Отчего же имъ не показывать число?—проворчалъ заяцъ.—Развѣ твои часы показываютъ годы?

— Нѣтъ, — отвѣтила Аня.

Наступило молчаніе.

— Сурокъ опять заснулъ, — сказалъ наконецъ Шляпкинъ, наливая ему на носъ горячій чай.

Сурокъ нетерпѣливо встряхнулъ головой и снова заснулъ.

— Ну, что, отгадала загадку? — спросилъ Аню Шляпкинъ.

— Нѣтъ, и не берусь отгадыватъ. Скажи мнѣ разгадку.

— Я не знаю, — отвѣтилъ Шляпкинъ.

— И я тоже, — сказалъ Болтунъ-Заяцъ.

— Вамъ слѣдовало бы съ пользой употреблять свое время, а не загадывать загадки, у которыхъ нѣтъ разгадокъ, — сказала съ досадой Аня.

— Если бы ты знала время такъ же хорошо, какъ я, — возразилъ Шляпкинъ, — такъ не говорила бы, какъ мы употребляемъ время, а сказала бы, какъ оно употребляетъ насъ.

— Не понимаю, что ты этимъ хочешь сказать?

— Разумѣется, ты не можешь этого понять! — сказалъ Шляпкинъ, съ презрѣніемъ откинувъ голову. — По всему видно, что ты не имѣла дѣла съ временемъ.

— Кажется, нѣтъ, — отвѣтила осторожно Аня.

— Положимъ, напримѣръ, что теперь 9 час. утра, когда ты начинаешь свои уроки, и вдругъ по первому знаку тво-

ему—тррр!—часы завертятся, и не успѣешь оглянуться, какъ уже половина второго — время обѣда!

— Это было бы недурно! — прошепталъ Болтунъ-Заяцъ.

— Это было бы чудесно! — воскликнула Аня. — Но, можетъ быть, я тогда не была бы еще достаточно голодна?

— Это все равно, — замѣтилъ Шляпкинъ, — время остановится на двухъ съ половиною часахъ и будетъ стоять, сколько тебѣ угодно.

— И вы всѣ здѣсь такъ дѣлаете? — спросила Аня.

— Только не я! — печально сказалъ Шляпкинъ. — Въ прошлую Пасху мы съ нимъ повздорили, — продолжалъ онъ указывая чайной ложечкой на Болтуна-Зайца, — незадолго до того, какъ онъ съ ума спятилъ. Это случилось въ большомъ концертѣ у червонной королевы, гдѣ я пѣлъ:

Чепуха, чепуха,
Это только враки:
Сѣно косятъ на печи
Молотками раки.

— Ты знаешь эту пѣсню?

— Нѣтъ, — отвѣтила Аня.

Въ это время сурокъ встряхнулся и

безъ умолку запѣлъ во снѣ: „Чепуха, чепуха, чепуха...“

Шляпкинъ и заяцъ крѣпко ущипнули сурка, чтобъ заставить его замолчать.

— Вообрази себѣ,—продолжалъ Шляпкинъ,—едва успѣлъ я спѣть первый куплетъ, какъ королева грозно крикнула: „Отвратительно! Этотъ человѣкъ убиваетъ время своей болтовней. Повѣсить его!“

— Какъ жестоко!—воскликнула Аня.

— И съ тѣхъ поръ, — продолжалъ Шляпкинъ, — время не взлюбило меня, — оно остановилось на шести часахъ!

— Не оттого ли у васъ тутъ наставлено такъ много чайныхъ чашекъ? — спросила Аня.

— Да, оттого, — сказалъ со вздохомъ Шляпкинъ, — мы все время пьемъ чай и намъ даже некогда вымыть чашки.

— И потому вы подвигаетесь къ слѣдующимъ чашкамъ?

— Да.

— А когда обойдете всѣ чашки, то начинаете снова съ первой?

— Оставимъ этотъ разговоръ, — прервалъ Аню зѣвая Болтунъ-Заяцъ, — лучше разскажи намъ что-нибудь.

— Я почти все забыла, что знала.

— И даже все то, чему училась въ школѣ? — удивился Шляпкинъ.

— Да. Помню только нѣсколько басенъ.

— Такъ разскажи какую нибудь басню.

— Хорошо, слушайте!

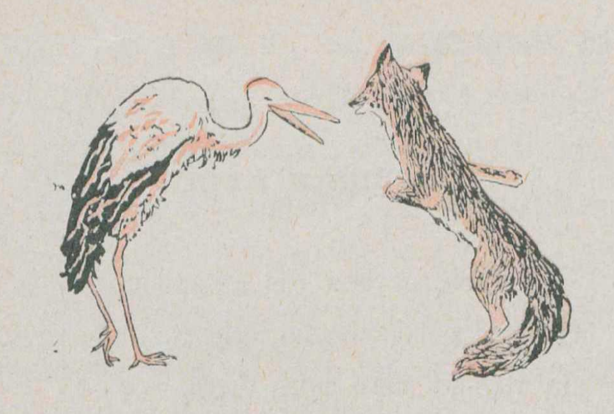
Аня начала:

Лисица и Аистъ.

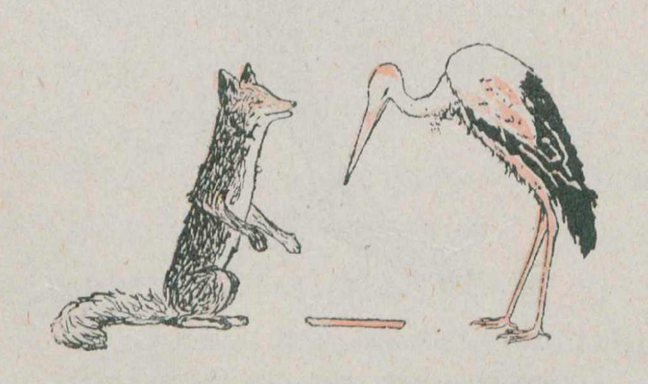
Лиса, скупая отъ природы,
Вдругъ хлѣбосолкою затѣяла прослыть.
Да только какъ тутъ быть,
Чтобъ не вовлечь себя въ излишнie расходы?
Вопросъ мудренъ—рѣшитъ его не всякъ,
Но для Лисы такой вопросъ пустякъ:

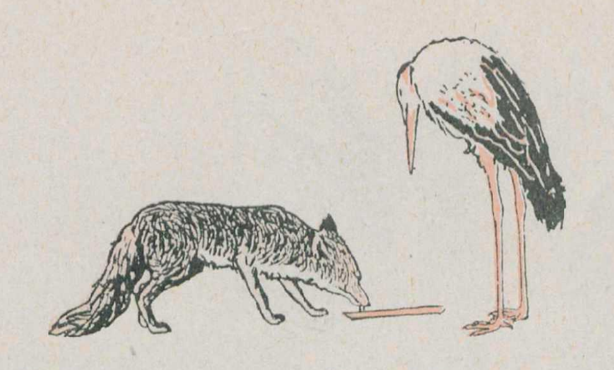
Плутовка каши жидкой наварила;
Ее на блюдо тонко наложила

И Аиста зоветъ преважно на обѣдъ.

На зовъ является сосѣдъ;

И оба принялись за поданное блюдо.
Ну, кашка, хоть куда! Одно лишь худо,
Что Аистъ ѣсть такъ не привыкъ:
Онъ въ блюдо носомъ тыкъ да тыкъ,
Но въ клювъ ему ни крошки не попало;

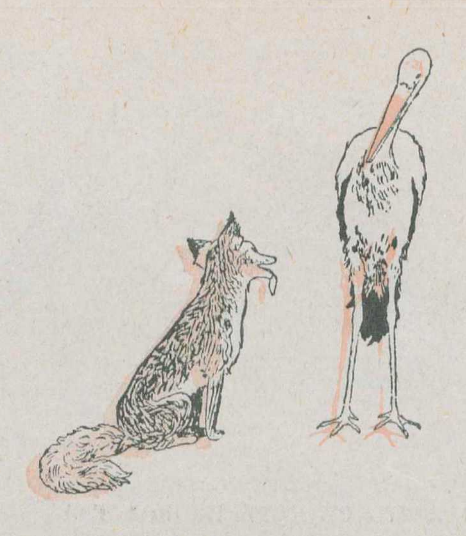
А Лисанька, межъ тѣмъ, въ единый мигъ
Всю кашу языкомъ слизала.

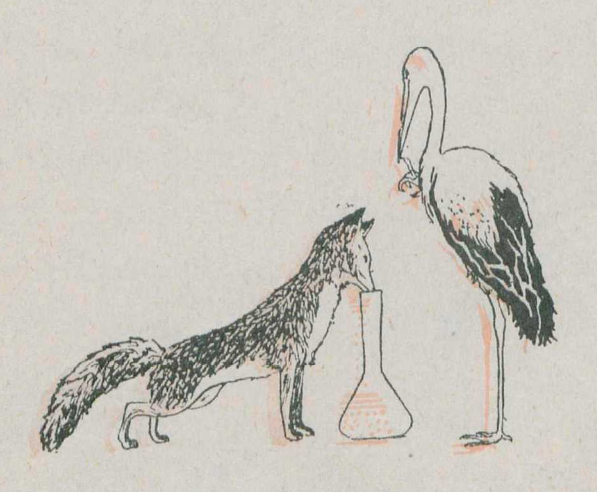
Вотъ Аистъ въ свой чередъ,
Чтобъ наказать Лису, а частью для забавы,

Ее на завтра ужинать зоветъ.
Нажарилъ мяса онъ, сварилъ къ нему приправы,
На мелкіе кусочки накрошилъ
И въ узенькій кувшинъ сложилъ.

Межъ тѣмъ Лиса, почуявъ запахъ мяса,
Пришла голодная, едва дождавшись часа,

И ну, что было силъ,
Давай вокругъ стола юлить и увиваться
И щедрости сосѣда удивляться.

Но лесть ей тутъ не помогла:
По клюву Аисту кувшинъ пришелся впору,
У гостьи жъ мордочка чрезчуръ была кругла...

И жадная кума ни съ чѣмъ, какъ и пришла,
Поджавши хвостъ, къ себѣ убралась въ нору.

— Вишь, какую чепуху разсказала! — вскричали въ одинъ голосъ Шляпкинъ и Болтунъ-Заяцъ. — Пусть лучше сурокъ разскажетъ намъ сказку.

— Эй, сурокъ, проснись же наконецъ! — крикнули Шляпкинъ и Болтунъ-Заяцъ, ущипнувъ его съ обѣихъ сторонъ.

Сурокъ съ трудомъ открылъ глаза.

— Я не спалъ, — сказалъ онъ, — я слышалъ все, что вы говорили.

— Разскажи намъ сказку, — сказалъ Болтунъ-Заяцъ.

— Да, да, разскажи сказку! — попросила тоже Аня.

— Разсказывай скорѣй, не то опять уснешь! — торопилъ Шляпкинъ.

— Жили, были три сестрицы, — началъ сурокъ, — Аня, Маня и Таня; онѣ жили въ глубокомъ колодцѣ...

— А что онѣ ѣли? — спросила Аня, которую всегда интересовала ѣда.

— Онѣ ѣли только патоку, — сказалъ сурокъ.

— Не можетъ быть, тогда онѣ захворали бы, — замѣтила Аня.

— Онѣ и захворали,—сказалъ сурокъ,— сильно захворали...

— Зачѣмъ же онѣ жили въ колодцѣ?

— Не хочешь ли еще чаю?—прервалъ Аню заяцъ.

— Еще чаю? Но вѣдь я еще совсѣмъ не пила чаю! Какъ же ты мнѣ предлагаешь еще? — сказала обидѣвшись Аня.

— Пожалуйста, безъ замѣчаній, — замѣтилъ Шляпкинъ.

Аня молча налила себѣ чаю и снова спросила сурка:

— Отчего же тѣ три сестры жили въ колодцѣ?

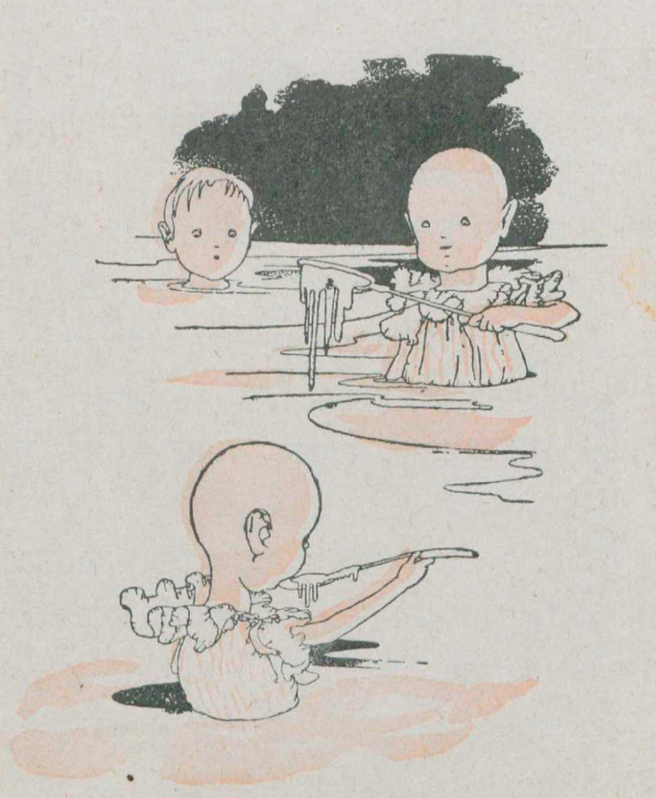
Сурокъ задумался на минуту и затѣмъ отвѣтилъ:

— Оттого что колодезь былъ паточный.

— Такихъ колодцевъ не бываетъ! — возразила Аня.

— Шш... шш...—зашикали Шляпкинъ и заяцъ.

— Я перестану разсказывать, если ты будешь перебивать меня, — замѣтилъ сурокъ Анѣ.

— Нѣтъ, пожалуйста, продолжай, я не буду тебя перебивать.

— И такъ, — продолжалъ сурокъ, — три сестрицы учились рисовать...

— Что онѣ рисовали? — спросила Аня.

— Патоку! — отвѣтилъ сурокъ.

— Я хочу чаю, — прервалъ разсказъ Шляпкинъ, — подвинемтесь дальше.

Онъ подвинулся, за нимъ послѣдовалъ сурокъ, Болтунъ-Заяцъ занялъ мѣсто сурка, а Аня мѣсто зайца. Одинъ Шляпкинъ былъ въ выгодѣ отъ этой перемѣны. Аня же съ неудовольствіемъ заняла мѣсто зайца, который только что залилъ чаемъ скатерть.

Не желая снова обидѣть сурка, Аня вѣжливо спросила его:

— Не понимаю, какъ могли онѣ нарисовать патоку?

— Всякую патоку можно нарисовать, — замѣтилъ Шляпкинъ. — Развѣ ты не видѣла, что на ней всегда написано: „лучшая", „самая лучшая", „отборная", — эхъ ты, глупенькая!

— Какъ сказано, онѣ учились рисовать... — продолжалъ сурокъ и, отчаянно зѣвнувъ, опять заснулъ.

Шляпкинъ толкнулъ его въ бокъ, и сурокъ снова заговорилъ:

Аня замѣтила маленькую дверь (стр. 107).

— Онѣ учились рисовать и рисовали, рисовали... а ты умѣешь рисовать?

— Нѣтъ, отвѣтила Аня.

— Такъ молчи, не разговаривай! — грубо замѣтилъ ей Шляпкинъ.

Эти слова возмутили Аню: она обиженно встала изъ-за стола и пошла къ лѣсу. Сурокъ тотчасъ заснулъ, а другіе не обратили вниманія на ея уходъ.

Когда она оглянулась, то къ ужасу своему увидѣла, что Шляпкинъ и заяцъ стараются втиснуть сурка въ чайникъ.

— Я больше никогда не приду сюда! — сказала Аня. — Такой буйной и безтолковой компаніи я никогда не видѣла!

Говоря это, Аня замѣтила въ одномъ деревѣ маленькую дверь.

— Удивительно! — воскликнула она. —

Сегодня происходятъ все какія то чудеса! Пойду, посмотрю, кто живетъ тамъ.

Аня отворила дверь и очутилась въ длинномъ корридорѣ передъ маленькимъ стекляннымъ столикомъ.

— Теперь я буду осторожнѣе, — сказала она и, взявъ со стола золотой ключикъ, отворила дверь, ведущую въ садъ. Затѣмъ она отгрызла кусочекъ гриба, и сдѣлавшись совсѣмъ крошечной, вошла въ узенькій корридоръ и наконецъ очутилась въ чудесномъ саду среди роскошныхъ цвѣтовъ и фонтановъ.

ГЛАВА VIII.

Крокетное поле королевы.

У входа красовался высокій кустъ роскошныхъ бѣлыхъ розъ, которыя три садовника закрашивали въ красный цвѣтъ.

Это очень удивило Аню.

Подходя къ садовникамъ, она услышала, какъ одинъ изъ нихъ сказалъ:

— Осторожнѣе, пятерка! Смотри, какъ ты замазалъ меня краской!

— Я не виноватъ,—отвѣтилъ съ доса-

дой пятерка,— шестерка подтолкнулъ меня подъ локоть.

Шестерка поднялъ голову и посмотрѣлъ на товарищей.

— Такъ, такъ, пятерка,— сказалъ онъ,—вали всегда вину на другихъ.

— Ты лучше помалкивай! — отвѣтилъ ему пятерка, — вчера королева говорила, что тебя слѣдовало бы казнить!

— За что? — спросилъ двойка.

— Это не твое дѣло! — сказалъ шестерка.

— Нѣтъ, это его дѣло!—возразилъ пятерка,—и я скажу ему за что? За то, что онъ принесъ повару не кухоннаго, а тюльпаннаго луку.

— Меня обвиняютъ несправедливо, — началъ шестерка бросая свою кисть,—и я...

Но увидѣвъ Аню, которая прислушивалась къ ихъ разговору, онъ вдругъ замолчалъ.

Двое другихъ тоже замѣтили ее, и всѣ низко поклонились ей.

— Скажите, пожалуйста, зачѣмъ вы красите эти розы? — спросила Аня.

— Правду сказать, барышня, — отвѣтилъ шопотомъ двойка, — здѣсь должны были быть красныя розы, а мы по ошибкѣ посадили бѣлыя, и если королева увидитъ это, то прикажетъ казнить насъ. Вотъ мы и стараемся исправить нашу ошибку до прихода королевы.

— Королева, королева идетъ! — вскричалъ въ ужасѣ пятерка.

И всѣ три садовника бросились въ страхѣ ничкомъ на землю. Послышался топотъ множества шаговъ, и Аня съ любопытствомъ продвинулась впередъ, чтобы посмотрѣть на королеву.

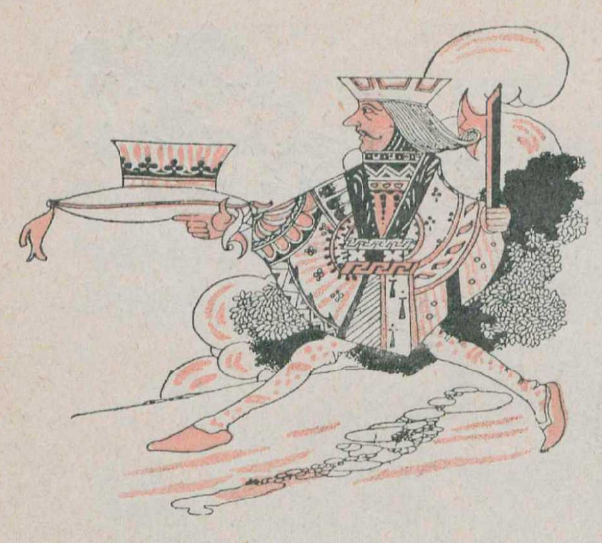
Впереди всѣхъ шли десять солдатъ съ дубинками; всѣ они, какъ и садовники,

были плоски и почти четырехугольны. Затѣмъ слѣдовало попарно десять придворныхъ, осыпанныхъ брильянтами. За ними весело

бѣжали, держась за руки десять дѣтей короля. Потомъ шли гости, большею частью короли и королевы, среди которыхъ Аня увидѣла бѣлаго кролика; онъ разговаривалъ съ одной королевой, почтительно улыбался и прошелъ мимо, не замѣтивъ Ани. За ними шелъ червонный валетъ, несшій корону на красной бархатной подушкѣ, а затѣмъ торже-

ственно выступали червонный король съ червонной королевой.

Аня стояла въ нерѣшительности, не зная броситься ли ей также ничкомъ на землю, по примѣру садовниковъ, но, вспомнивъ, что она никогда не видѣла, чтобы это соблюдалось при другихъ торжественныхъ случаяхъ, она осталась стоять.

Когда шествіе подошло къ Анѣ, всѣ остановились и съ удивленіемъ уставились на нее.

— Кто это? — строго спросила королева червоннаго валета.

Вмѣсто отвѣта валетъ началъ улыбаться и расшаркиваться.

— Дуракъ! — сказала королева нетер-

пѣливо, откинувъ голову.—Какъ тебя зовутъ, дѣвочка? — спросила она Аню.

— Меня зовутъ Аней, ваше величество!—отвѣтила вѣжливо Аня и въ то же

время подумала: „мнѣ нечего ихъ бояться, вѣдь это только колода картъ“.

— А кто эти трое? — спросила королева, указывая на лежавшихъ ничкомъ садовниковъ; она не могла узнать, были ли то садовники или солдаты, вельможи или

ея собственныя дѣти, потому что вся колода имѣла одинаковый рисунокъ на оборотной сторонѣ.

— Не знаю. Это не мое дѣло, — отвѣтила Аня.

Королева покраснѣла отъ гнѣва и злобно закричала:

— Голову долой! Отрубить ей голову!

— Глупости! — рѣшительно вскричала Аня.

Королева вдругъ притихла.

— Вспомни, дорогая, — сказалъ мягко король, кладя королевѣ руку на плечо: — вѣдь это ребенокъ!

Королева съ досадой отвернулась отъ него.

— Переверни ихъ! — приказала она валету, указывая на лежавшихъ садовниковъ.

Валетъ исполнилъ приказаніе.

— Вставайте! — крикнула имъ пронзительно королева.

Садовники поспѣшно вскочили и стали

Отрубить ей голову, крикнула королева (стр. 116).

низко кланяться королевѣ, королю и всѣмъ вельможамъ.

— Перестаньте кланяться! — крикнула имъ королева. — Что вы тутъ дѣлали?

— Мы, ваше величество, — началъ двойка, опускаясь на колѣни, — мы...

— Я ужъ вижу, что вы тутъ дѣлали, — сказала королева, осматривая розы. — Головы имъ долой! — крикнула она, и шествіе тронулось дальше.

Остались только солдаты, которые должны были казнить садовниковъ. Несчастные бросились искать защиты у Ани.

— Васъ не казнятъ, — успокоила ихъ Аня и спрятала всѣхъ троихъ въ большой цвѣточный горшокъ, стоявшій поблизости.

Нѣкоторое время солдаты искали садовниковъ, а затѣмъ спокойно присоединились къ шествію.

— Казнили ихъ? — спросила королева.

— Такъ точно, ваше величество, — отвѣтили солдаты.

— Ты умѣешь играть въ крокетъ? —

спросила королева Аню, которая примкнула къ свитѣ.

— Умѣю!

— Такъ пойдемъ со мною!

Аня послѣдовала за королевой, съ любопытствомъ ожидая, что будетъ дальше.

— Какой чудесный день! — раздался около нея чей-то робкій голосъ.

То былъ бѣлый кроликъ, боязливо заглядывавшій ей въ лицо.

— Да, прекрасный день! — отвѣтила Аня. — А гдѣ же герцогиня?

— Тсс... тсс...—сказалъ кроликъ и, поднявшись на цыпочки, онъ шепнулъ Анѣ на ухо: — она приговорена къ смерти.

— За что? — спросила Аня.

— За то, что ударила королеву по щекѣ, — прошепталъ кроликъ.

Аня громко разсмѣялась.

— Тише, тише! — испуганно просилъ кроликъ.—Королева услышитъ! Герцогиня опоздала, и королева сказала ей...

— По мѣстамъ! — крикнула королева.

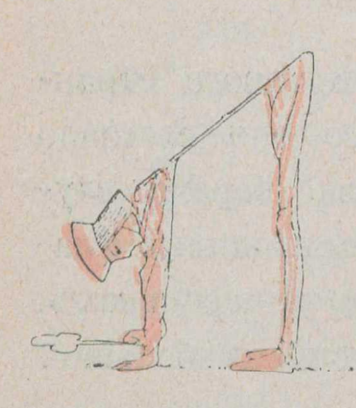
Всѣ участники игры забѣгали въ разныя стороны, и, когда заняли свои мѣста, игра началась.

Аня никогда не видѣла такого страннаго крокетнаго поля: все оно состояло изъ бугорковъ и ямочекъ, шарами служили живые ежи, а молотками живые фламинго; солдаты же, стоя на четверенькахъ, образовали ворота и составили большой кругъ.

Труднѣе всего для Ани было справиться съ фламинго; правда, она могла довольно удобно держать его въ рукахъ, хотя ноги его и свѣшивались, но какъ только она вытягивала его длинную шею, чтобъ нанести его головой ежу ударъ, птица тотчасъ оборачивалась и съ такимъ недоумѣніемъ выпучивала на нее глаза, что Аня невольно хохотала. Когда же Аня

нагибала его шею, собираясь снова играть, то къ досадѣ своей видѣла, какъ ежъ превращался въ комокъ и уползалъ. Къ тому же игрѣ очень мѣшали бугорки, ямки и постоянно мѣнявшіе свои мѣста солдаты. Аня вскорѣ убѣдилась, что эта игра была очень сложная.

Всѣ игроки играли сразу въ одно и то же время, не ожидая очереди, и такъ часто ссорились изъ-за ежей, что сильно разгнѣвали королеву; она топала ногами и при всякомъ случаѣ кричала: „отрубить ему голову!“ „отрубить ему голову!“

Анѣ было непріятно играть съ такими игроками и, хотя до сихъ поръ у ней не было ссоры съ королѐвой, она чувствовала, что ссора можетъ возникнуть въ любую минуту изъ-за пустяковъ.

„Что тогда будетъ со мной? — думала она.—Всѣмъ рубятъ головы изъ-за пустя-

Аня увидѣла Кота-Скалозуба (стр. 121).

ковъ! Удивительно, что ихъ еще такъ много въ живыхъ осталось!“

Аня осмотрѣлась, чтобы незамѣтно уйти, и вдругъ увидѣла въ воздухѣ что-то загадочное; вглядѣвшись внимательно, она замѣтила неясныя очертанія Кота-Скалозуба.

— Какъ поживаешь?—спросилъ котъ, когда его ротъ сталъ настолько видѣнъ, что онъ могъ говорить.

„Не стоитъ съ нимъ теперь говорить,— подумала Аня, — надо обождать до тѣхъ поръ пока покажутся его уши, тогда онъ услышитъ меня“.

Когда показалась вся голова кота, Аня спустила фламинго и начала разсказывать, какъ у королевы играли въ крокетъ.

— Кажется, они играютъ невѣрно, — жаловалась Аня, — и такъ шумятъ и ссорятся, что хоть бѣги оттуда. Никакихъ правилъ игры они не соблюдаютъ, а играютъ, какъ вздумается, и ты не повѣришь, какъ трудно играть въ крокетъ, когда молотки и шары живые.

— Какъ тебѣ нравится королева? — спросилъ шопотомъ котъ.

— Совсѣмъ не нравится, она такъ...— но, замѣтивъ стоявшую за ней королеву, которая прислушивалась къ ея словамъ, Аня прибавила:—она такъ хорошо играетъ, что никто не можетъ сравниться съ ней.

Королева улыбнулась и пошла дальше.

— Съ кѣмъ это ты разговариваешь?— спросилъ король, подходя къ Анѣ и съ удивленіемъ разглядывая кошачью голову.

— Съ другомъ, Котомъ-Скалозубомъ. Позвольте мнѣ представить его вамъ.

— Онъ мнѣ совсѣмъ не нравится, — замѣтилъ король, — но онъ можетъ поцѣловать мнѣ руку, если хочетъ.

— Нѣтъ, не хочу! — вскричалъ котъ.

— Какой ты нахалъ! Не смотри на меня такими глазами!—сказалъ король, въ страхѣ прячась за Аню.—Его надо убрать отсюда!

И король позвалъ королеву, которая въ это время проходила мимо.

— Послушай, дорогая, — сказалъ онъ ей, — прикажи убрать отсюда этого кота!

Обыкновенно королева устраняла всѣ затрудненія однимъ словомъ:

— Отрубить ему голову!—сказала она даже не оглянувшись.

— Я самъ позову палача, — сказалъ король и поспѣшно удалился.

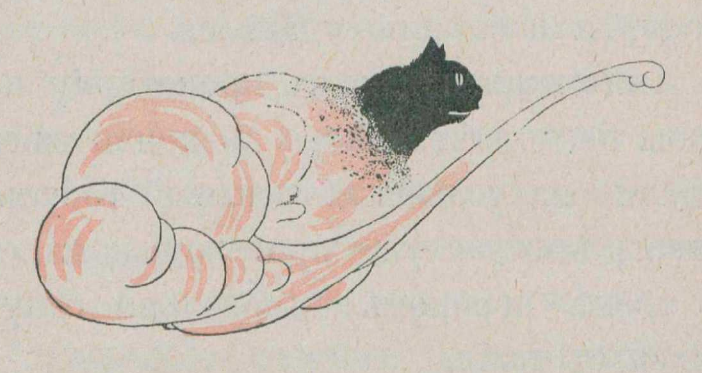
Аня направилась къ крокетному полю, чтобы посмотрѣть, скоро ли кончится игра. Издали она услышала гнѣвный голосъ королевы, которая уже приговорила къ смерти трехъ игроковъ, самовольно отлучившихся съ поля.

Аня скоро нашла своего ежа, который ожесточенно дрался съ другимъ ежомъ. Отыскивая глазами своего фламинго, Аня увидѣла его на другомъ концѣ поля, гдѣ онъ пытался взлетѣть на дерево.

Аня побѣжала туда и, поймавъ своего фламинго, вернулась къ ежамъ; но оба ежа уже исчезли. Такъ какъ безъ ежа нельзя было играть, то Аня взяла подъ мышку

фламинго и вернулась къ дереву, чтобы поболтать съ Котомъ-Скалозубомъ.

Подходя къ тому мѣсту, гдѣ она оставила Кота-Скалозуба, Аня застала тамъ большую толпу народа. Палачъ, король и королева громко спорили о чемъ-то, а всѣ другіе боязливо прислушивались.

Увидѣвъ Аню, всѣ окружили ее и потребовали, чтобы она рѣшила ихъ споръ. Всѣ они говорили сразу, и каждый приводилъ свои доводы.

Палачъ говорилъ, что онъ не можетъ отрубить голову, у которой нѣтъ туловища; ничего подобнаго онъ никогда не дѣлалъ и на старости лѣтъ не хочетъ учиться разнымъ новшествамъ.

Палачъ, король и королева спорили о чемъ-то... (стр. 124).

Король говорилъ, что это глупости: что если есть голова, то можно ее отрубить.

Королева настаивала, что если ея приказаніе не будетъ тотчасъ исполнено, то всѣмъ отрубятъ головы.

Аня не знала, какъ рѣшить споръ.

— Котъ принадлежитъ герцогинѣ, — сказала она наконецъ,—надо спросить ее.

— Она въ тюрьмѣ; приведи ее сюда!— приказала палачу королева, и палачъ стрѣлою побѣжалъ исполнить приказаніе.

Въ это время голова кота стала мало-по-малу исчезать, а когда палачъ привелъ герцогиню, совсѣмъ исчезла.

Король и палачъ бросились искать кота, а остальное общество вернулось на крокетное поле.

ГЛАВА IX.

Исторія о поддѣльной черепахѣ.

— Ты не повѣришь, милочка, какъ я рада снова видѣть тебя!—говорила герцогиня, нѣжно обнявъ Аню и уходя съ нею.

Аня была рада, что герцогиня находится въ такомъ хорошемъ расположеніи духа и подумала, что, вѣроятно, перецъ озлобилъ ее, когда онѣ въ первый разъ встрѣтились въ кухнѣ.

„Когда я буду герцогиней, — подумала про себя Аня, — у меня на кухнѣ никогда не будетъ перца. Супъ безъ перца гораздо вкуснѣе; къ тому же перецъ

дѣлаетъ людей злыми, уксусъ ворчливыми, а ромашка—недовольными...“

Аня совсѣмъ забыла о герцогинѣ и сильно испугалась, услышавъ около себя ея голосъ:

— О чемъ ты такъ задумалась, милочка? — спросила герцогиня, обнимая Аню,

которая старалась незамѣтно уклониться отъ такого близкаго сосѣдства. Аня находила, что герцогиня была очень безобразна и опасалась, что она обопрется своимъ острымъ подбородкомъ на ея плечо.

— Вѣроятно, игра снова началась,—сказала Аня, стараясь поддержать разговоръ.

— Да, да, только королева опять злится,—сказала герцогиня, уперпись своимъ острымъ подбородкомъ въ плечо Ани. — Ты вѣрно удивляешься, милочка, что я не обняла тебя за шею, но, правду сказать, я не довѣряю твоему фламинго.

— Да, да, онъ укуситъ; не дѣлайте этого,—поспѣшила сказать Аня, не любившая такихъ обниманій.

„Что она пристала ко мнѣ?—подумала Аня.—Никакъ не отвязаться отъ нея“.

— Ты опять задумалась, милочка! — сказала герцогиня, сильнѣе прижимая свой острый подбородокъ къ плечу Ани.

— Я имѣю право задумываться, сколько хочу! — отвѣтила рѣзко Аня.

— Да, такое же право, какъ поросенокъ...

Къ великому изумленію Ани герцогиня вдругъ смолкла и задрожала всѣмъ тѣломъ. Передъ ними стояла королева, грозно глядѣвшая на герцогиню.

— Чудесный день, ваше величество! — начала дрожащимъ голосомъ герцогиня.

— Я покажу вамъ чудесный день, — вскричала королева, затопавъ ногами. — Прочь отсюда, пока у васъ еще голова на плечахъ!

Герцогиня быстро удалилась.

— Пойдемъ играть! — сказала Анѣ королева.

Аня со страху не могла

вымолвить ни одного слова и молча послѣдовала за королевой.

Между тѣмъ гости воспользовались отсутствіемъ королевы и расположились отдыхать подъ сѣнью деревьевъ; но завидѣвъ ее, всѣ снова принялись за игру.

Во время игры на полѣ безъ умолку раздавался гнѣвный голосъ королевы, которая ссорилась со всѣми и ежеминутно кричала: „Голову ему долой!“ или „Голову ей долой!“

И солдаты тотчасъ хватали осужденныхъ и уводили ихъ. Не прошло и часа, какъ всѣ игроки одинъ за другимъ были приговорены къ смерти и уведены въ тюрьму, а на полѣ остались только король, королева и Аня.

Успокоившись немного, королева спросила Аню:

— Ты видѣла поддѣльную черепаху?

— Нѣтъ,— отвѣтила Аня,— развѣ бываютъ такія?

— Бываютъ; изъ нихъ готовятъ под-

Всѣхъ игроковъ посадили въ тюрьму (стр. 130).

дѣльный черепаховый супъ. Пойдемъ скорѣе къ ней, она разскажетъ тебѣ свою исторію.

Уходя съ королевой, Аня услышала, какъ король тихо сказалъ всему собранію: „вы всѣ помилованы!“

„Какое счастье!“ подумала Аня, возмущенная многочисленными казнями.

Вскорѣ они подошли къ спящему грифу.

— Вставай, лѣнтяй! — крикнула королева, — проводи эту маленькую барышню къ поддѣльной черепахѣ; пусть она разскажетъ ей свою исторію. Мнѣ надо вернуться и присутствовать при казняхъ.

И королева ушла, оставивъ Аню съ грифомъ. Видъ этого животнаго пугалъ Аню, но она рѣшила, что общество королевы не менѣе опасно.

Грифъ поднялся, протеръ себѣ глаза и дождавшись, когда королева скрылась изъ виду, проговорилъ:

— Чудесная шутка!

— О какой шуткѣ говоришь ты? — спросила Аня.

— Я говорю, что все это одно воображеніе: здѣсь никого никогда не казнятъ. Пойдемъ скорѣе.

„Всѣ здѣсь говорятъ „пойдемъ скорѣе“ — думала Аня, слѣдуя за грифомъ — „нигдѣ мною такъ много не командовали, какъ здѣсь!“

„Вставай лѣнтяй! крикнула королева (стр. 132).

Черезъ нѣсколько времени они увидѣли вдали черепаху; она печально и одиноко сидѣла на прибрежной скалѣ, а когда

они подошли ближе, Аня услышала какъ черепаха тяжело вздохнула.

Анѣ стало жаль бѣднаго животнаго.

— Скажи, какое у ней горе? — спросила она грифа.

— У нея нѣтъ никакого горя,—отвѣтилъ грифъ,—это одно воображеніе. Пойдемъ скорѣе!

Когда они подошли къ поддѣльной черепахѣ, она молча встрѣтила ихъ съ полными слезъ глазами.

— Вотъ эта маленькая дѣвочка хочетъ послушать твою исторію, — сказалъ ей грифъ.

— Хорошо, садитесь и не перебивайте меня, — сказала черепаха.

Всѣ сѣли. Наступило долгое молчаніе.

— Когда то,—начала черепаха съ тяжелымъ вздохомъ,—я была настоящей черепахой...

Наступило опять долгое молчаніе, прерываемое иногда криками грифа „хркррх!" и громкими всхлипываніями поддѣльной черепахи.

-- Когда мы были маленькіе, — продолжала черепаха, — мы ходили въ море учиться. Учительницей нашей была старая черепаха. Всѣ мы звали ее Брюзгой...

— За что вы ее такъ прозвали? — спросила Аня.

— За то, что она брюзжала съ утра до вечера, — отвѣтила черепаха.— Зачѣмъ ты меня перебиваешь, глупая дѣвочка.

— Стыдилась бы задавать такіе глупые вопросы, — замѣтилъ грифъ.

Наступило долгое молчаніе.

— Ну, продолжай же! — крикнулъ грифъ черепахѣ.

— Итакъ, мы ходили въ школу и я прилежно училась...

— Чему же ты училась тамъ?—спросила Аня.

— Я училась лежать, ловить, объѣдаться.

Аня съ недоумѣніемъ посмотрѣла на черепаху.

— Довольно объ урокахъ!—крикнулъ грифъ, — разскажи намъ какъ вы играли въ морѣ.

ГЛАВА X.

Танецъ омаровъ.

Черепаха закашлялась до слезъ.

— Она подавилась чѣмъ-то, — сказалъ грифъ и принялся стукать ее по спинѣ. Наконецъ черепаха перестала кашлять и спросила Аню:

— Вѣроятно, ты не жила подъ водой и не знакома съ омарами?

Аня хотѣла-было сказать, что она ѣла омары, но благоразумно воздержалась и отвѣтила: „нѣтъ“.

— Тогда ты не можешь представить себѣ, какъ восхитителенъ танецъ омаровъ.

— Да, такой танецъ трудно представить себѣ, — замѣтила Аня.

— Сначала, — перебилъ грифъ, — становятся на берегу въ одинъ рядъ...

— Въ два ряда! — поправила черепаха. — Тюлени, черепахи, лососи, улитки и т. п., потомъ, когда уберутъ съ дороги всѣ морскія звѣзды...

— Это кропотливая работа,—прервалъ черепаху грифъ.

— Два раза идутъ впередъ...

— Каждый подъ руку съ омаромъ! — пояснилъ грифъ.

— Да, да,—подтвердила черепаха,— два раза впередъ попарно...

— Мѣняютъ омаровъ и въ томъ же порядкѣ идутъ назадъ,—продолжалъ грифъ.

— Потомъ бросаютъ...

— Омара!—крикнулъ грифъ подпрыгнувъ.

— Какъ можно дальше въ море... — подхватила черепаха.

— Потомъ плывутъ за ними!..—закричалъ грифъ.

— Потомъ кувыркаются въ водѣ!.. — крикнула черепаха и какъ угорѣлая запрыгала вокругъ Ани.

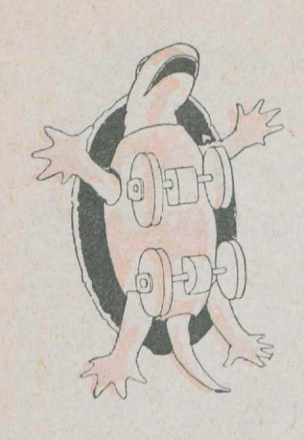
Танецъ омаровъ (стр. 138).

— Потомъ опять мѣняютъ омаровъ!..— крикнулъ грифъ.

— Потомъ бѣгутъ къ берегу, и тѣмъ кончается первая фигура! — сказала черепаха усталымъ голосомъ.

Во время разсказа грифъ и черепаха какъ сумасшедшіе прыгали вокругъ Ани, а затѣмъ усталые сѣли отдохнуть.

— Должно быть, это красивый танецъ,—робко замѣтила Аня.

— Хочешь, мы покажемъ тебѣ хоть начало?—спросила черепаха.

— Пожалуйста, — сказала Аня.

— Станцуемъ первую фигуру!—предложила грифу черепаха, — можно и безъ омаровъ. Кто будетъ пѣть?

— Пой ты, у меня голосъ осипъ! — сказалъ грифъ.

Черепаха запѣла и принялась съ грифомъ прыгать и скакать вокругъ Ани, при чемъ они нерѣдко наступали ей на ноги.

— Благодарю васъ, очень интересно!— сказала Аня, очень довольная, когда танецъ кончился.

— А теперь разскажи намъ о своихъ приключеніяхъ, — сказалъ грифъ.

— Я могу разсказать вамъ только то, что пережила сегодня, — сказала Аня въ

смущеніи; — разсказывать о вчерашнемъ днѣ не стоитъ, потому что я вчера была совсѣмъ другая.

— Говори яснѣе, — сказала черепаха.

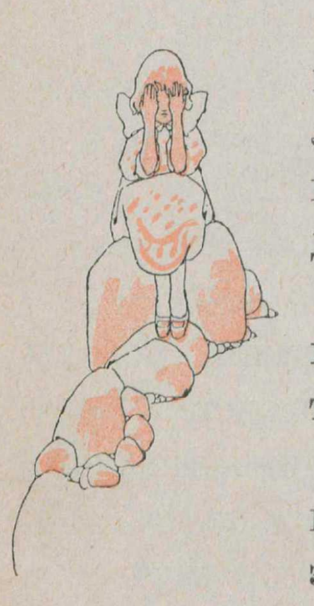

— Нѣтъ, сначала разскажи, что ты пережила сегодня, — сказалъ нетерпѣливо грифъ,—на объясненія уходитъ слишкомъ много времени.

Аня начала разсказывать, какъ она увидѣла бѣлаго кролика. Сначала она

струсила, когда оба животныя, разинувъ ротъ и вытаращивъ глаза, обступили ее съ двухъ сторонъ. Грифъ и черепаха слушали Аню съ большимъ вниманіемъ; когда же она разсказала, какія волшебныя превращенія испытала отъ съѣденныхъ кусковъ гриба, черепаха глубоко вздохнула, прошептавъ: „удивительно!“

— Все это удивительно и необычайно! — сказалъ грифъ.

Аня промолчала и, закрывъ лицо руками, задумалась о томъ, прекратятся ли когда-нибудь всѣ эти чудеса.

— Начинается допросъ! — вдругъ раздался издали чей-то голосъ.

— Пойдемъ скорѣе! — вскричалъ грифъ и, схвативъ за руку Аню, побѣжалъ съ нею.

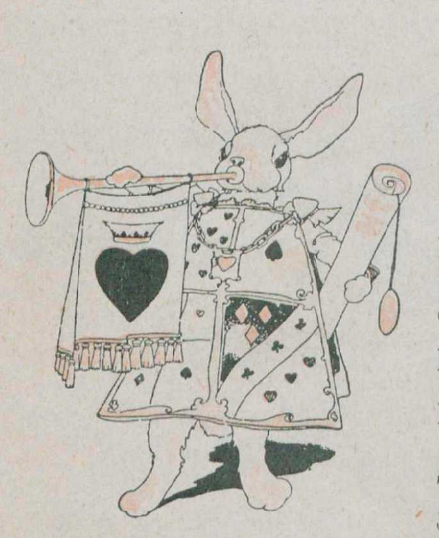
— Какой допросъ? — запыхавшись спросила Аня.

Но вмѣсто отвѣта грифъ сказалъ только: „скорѣй, скорѣй!“ и быстрѣе повлекъ ее за собою.

ГЛАВА XI.

Кто съѣлъ ватрушки?

Когда Аня съ грифомъ прибѣжали на мѣсто, гдѣ производился допросъ, Червонный король и Червонная королева сидѣли на тронѣ, окруженные большой свитой маленькихъ птицъ и звѣрей и цѣлой колодой картъ; валетъ стоялъ передъ ними въ цѣпяхъ подъ карауломъ двухъ солдатъ. Около короля стоялъ бѣлый кроликъ съ трубой въ одной рукѣ и пергаментомъ въ другой. Посреди двора стоялъ столъ, а на столѣ блюдо, наполненное такими вкусны-

ми ватрушками, что одинъ видъ ихъ возбудилъ у Ани сильный аппетитъ.

„Хорошо было бы, если бы они скорѣе кончили допросъ и роздали всѣмъ ватрушки!“ подумала Аня.

Но, повидимому, допросъ долженъ былъ кончиться не скоро, и Аня стала съ любопытствомъ осматриваться. Раньше она никогда не видѣла судебнаго разбирательства.

— Это, навѣрно, судья! — прошептала Аня, глядя на короля. На головѣ его былъ огромный парикъ, а сверхъ него корона.

„А эти двѣнадцать маленькихъ жи-

вотныхъ, должно быть, присяжные засѣдатели!“ подумала Аня.

Всѣ присяжные засѣдатели усердно писали что-то на своихъ грифельныхъ досках.

— Что они дѣлаютъ? — спросила Аня шопотомъ грифа. — Вѣдь имъ нечего писать, — допросъ еще не начался.

— Они записываютъ свои имена, чтобы не забыть ихъ до окончанія допроса,— отвѣтилъ также шопотомъ грифъ.

— Какіе они глупые!—замѣтила Аня.

— Тише!—раздался голосъ бѣлаго кролика.

Въ то же время король одѣлъ очки и сталъ глазами искать, кто осмѣлился прервать тишину.

У одного присяжнаго засѣдателя грифель такъ сильно скрипѣлъ, что Аня не выдержала и, перейдя на другую сторону зала, остановилась позади него. Улучивъ минуту, когда онъ положилъ грифель, она незамѣтно взяла его. Бѣдный присяжный

засѣдатель, — то былъ Ящеръ, — напрасно искалъ, куда дѣвался его грифель и наконецъ рѣшилъ писать пальцемъ; но сколько онъ ни писалъ, на грифельной доскѣ не оставалось никакого слѣда.

— Герольдъ, прочтите обвиненіе! — приказалъ король.

Бѣлый кроликъ протрубилъ три раза, затѣмъ развернулъ пергаментъ и прочелъ:

Королева напекла
Пирожковъ-ватрушекъ,
А валетъ изподтишка
Принялся ихъ кушать.
Трамъ-трамъ-трушки
Съѣлъ ватрушки,
Трамъ-трамъ-тромъ
Съ творогомъ.

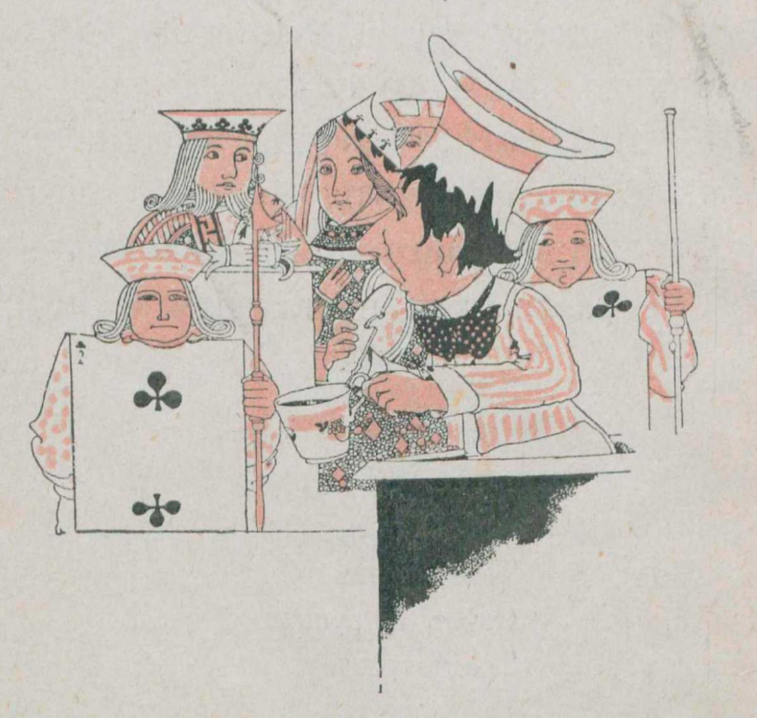
— Объявите приговоръ! — приказалъ король присяжнымъ засѣдателямъ.

— Нѣтъ, нѣтъ! — вмѣшался бѣлый кроликъ, — надо сначала допросить свидѣтелей.

— Позвать перваго свидѣтеля! — приказалъ король.

Кроликъ протрубилъ три раза и крикнулъ:

— Первый свидѣтель, войдите!

Первымъ свидѣтелемъ былъ Шляпкинъ. Онъ вошелъ съ чашкой чая въ одной рукѣ и бутербродомъ въ другой.

— Прошу извинить меня, ваше величество, — сказалъ онъ, — что я пришелъ съ чаемъ, но я еще не кончилъ пить чай, когда меня позвали.

— Ты давно долженъ былъ кончить чаепитіе, — замѣтилъ король; — когда ты началъ?

Шляпкинъ посмотрѣлъ на зайца, который слѣдовалъ за нимъ рука объ руку съ суркомъ, а затѣмъ неувѣренно отвѣтилъ:

— Кажется, четырнадцатаго марта.

— Пятнадцатаго, — поправилъ заяцъ.

— Шестнадцатаго, — проворчалъ сурокъ.

— Внесите это въ протоколъ, — приказалъ король присяжнымъ засѣдателямъ.

Засѣдатели поспѣшно записали на своихъ доскахъ эти три показанія, потомъ сложили числа и превратили сумму въ рубли и копѣйки.

— Сними свою шляпу, — приказалъ король.

— Шляпа не моя, — отвѣтилъ Шляпкинъ.

— Значитъ, украдена! — крикнулъ король засѣдателямъ, которые тотчасъ записали это.

— Нѣтъ, я шляпочникъ и изготовилъ ее для продажи,— пояснилъ Шляпкинъ.

Королева одѣла очки и устремила на него проницательный взглядъ, что очень смутило и обезпокоило Шляпкина.

— Показывай только правду,— строго сказалъ король,— иначе я прикажу сейчасъ повѣсить тебя.

Эта угроза еще больше напугала и смутила бѣднаго свидѣтеля: онъ сталъ переминаться на мѣстѣ и, глядя въ испугѣ на королеву, отку-

силъ вмѣсто бутерброда большой кусокъ своей чашки.

Въ то же мгновеніе Аня почувствовала какое-то странное ощущеніе, котораго сначала никакъ не могла объяснить себѣ, но вскорѣ замѣтила, что она начинаетъ расти! Она хотѣла-было тотчасъ уйти, но, подумавъ немного, рѣшила остаться до тѣхъ поръ, пока для нея хватитъ мѣста въ залѣ.

— Ты меня совсѣмъ стѣснила, я едва дышу!—сказалъ сурокъ, сидѣвшій съ ней рядомъ.

— Я не виновата, что расту,—скромно отвѣтила Аня.

— Здѣсь ты не имѣешь права расти.

— Не болтай глупостей, ты тоже растешь.

— Да, но я расту умѣренно, а не съ такой глупой быстротой, какъ ты! — сказалъ съ досадой сурокъ и перешелъ на другую сторону залы.

Королева все время не спускала глазъ

съ Шляпкина, а когда сурокъ переходилъ зало, приказала одному чиновнику:

— Принеси мнѣ списокъ пѣвцовъ послѣдняго концерта!

При этихъ словахъ несчастный Шляпкинъ задрожалъ отъ страха.

— Говори сущую правду!—повторилъ король,—иначе я прикажу казнить тебя.

— Я бѣдный человѣкъ, ваше величество,—началъ Шляпкинъ дрожащимъ голосомъ,—и только что началъ пить чай... это было съ недѣлю тому назадъ... и бутерброды были такіе тонкіе... и горшки и тарелки полетѣли въ чай...

— Горшки и тарелки?—удивился король.—Какія глупости ты болтаешь!

— Я бѣдный человѣкъ,—продолжалъ Шляпкинъ,—и съ тѣхъ поръ все... заяцъ сказалъ, что...

— Я ничего не говорилъ!—поспѣшно прервалъ Болтунъ-Заяцъ.

— Нѣтъ, ты говорилъ!—настаивалъ Шляпкинъ.

— Неправда! — сказалъ заяцъ.

— Ну такъ сурокъ говорилъ это... — продолжалъ Шляпкинъ. — Но я сдѣлалъ еще бутербродъ...

И онъ съ тревогой оглянулся на сурка, но тотъ крѣпко спалъ.

— Но что сказалъ сурокъ? — прервалъ его одинъ изъ присяжныхъ.

— Не помню, совсѣмъ не помню, — отвѣтилъ Шляпкинъ.

— Но ты долженъ вспомнить, иначе тебя казнятъ, — сказалъ король.

Несчастный Шляпкинъ выронилъ изъ рукъ со страху свою чашку и бутербродъ и, опускаясь на колѣни, снова началъ:

— Я бѣдный человѣкъ, ваше величество...

— Если ты больше ничего не знаешь по этому дѣлу, то можешь идти, — прервалъ его король.

Пользуясь позволеніемъ, Шляпкинъ стрѣлою выбѣжалъ изъ зала.

— Догнать его и отрубить ему голо-

ву! — приказала чиновнику королева; но, когда тотъ подбѣжалъ къ двери, Шляпкинъ уже скрылся изъ вида.

— Позвать второго свидѣтеля! — приказалъ король.

Вторымъ свидѣтелемъ была кухарка герцогини. Она вошла въ зало съ большой перечницей, и скоро всѣ около нея зачихали.

— Говори, что ты знаешь по этому дѣлу? — спросилъ король.

— Ничего не знаю! — отвѣтила кухарка.

— Изъ чего дѣлаютъ ватрушки?

— Большею частью изъ перца.

— Изъ патоки,—раздался за нею сонный голосъ сурка.

— Схватить сурка! — вскричала королева. — Выгнать его отсюда! Спалить ему бороду!

Въ залѣ поднялся сильный шумъ и бѣготня, но, когда черезъ нѣсколько минутъ все успокоилось, кухарка исчезла.

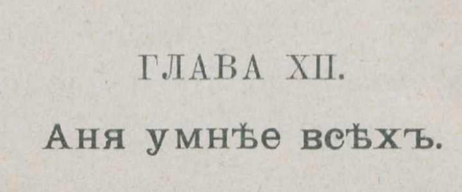

Шляпкинъ скрылся изъ вида (стр. 154).

— Позвать слѣдующаго свидѣтеля! — приказалъ король.

Наблюдая за бѣлымъ кроликомъ, просматривавшимъ списокъ свидѣтелей, Аня очень интересовалась узнать, кто будетъ слѣдующимъ. Но представьте себѣ ея изумленіе, когда бѣлый кроликъ пискливо крикнулъ „Аня!“

ГЛАВА XII.

Аня умнѣе всѣхъ.

Здѣсь! — отвѣтила Аня, совсѣмъ позабывъ, что она за послѣдній часъ сильно выросла. Она поспѣшно вскочила и нечаянно опрокинула скамью съ присяжными засѣдателями, которые кувыркомъ свалились на головы сидѣвшаго внизу общества. Они лежали на полу совсѣмъ безпомощные и напоминали Анѣ золотыхъ рыбокъ, банку съ которыми Аня на прошлой недѣлѣ нечаянно опрокинула.

— Ахъ, извините, извините, — вскричала въ смущеніи Аня и, поспѣшно поднявъ засѣдателей, усадила ихъ на прежнее мѣсто.

Черезъ нѣсколько минутъ засѣдатели опомнились отъ страха и собрали свои доски и грифеля.

— Что ты знаешь по этому дѣлу? — спросилъ король Аню.

— Ничего!

— Совсѣмъ ничего?

— Совсѣмъ ничего!

— Это очень важно! — сказалъ король

засѣдателямъ, которые хотѣли тотчасъ записать это.

— Ваше величество хотѣли сказать: „совсѣмъ неважно", — прервалъ кроликъ.

— Да, да, неважно! — сказалъ король и сталъ тихимъ голосомъ повторять: „важно-неважно, неважно-важно".

Нѣкоторые засѣдатели написали „важно", а другіе „неважно".

— Тише! Слушайте!—вдругъ крикнулъ король, что-то усердно записывавшій въ свою записную книжку. — Сорокъ вторая статья закона гласитъ: „всѣ лица, которыя вышиною больше версты, должны удалиться отсюда".

Всѣ взгляды обратились на Аню.

— Я ниже версты, — сказала она.

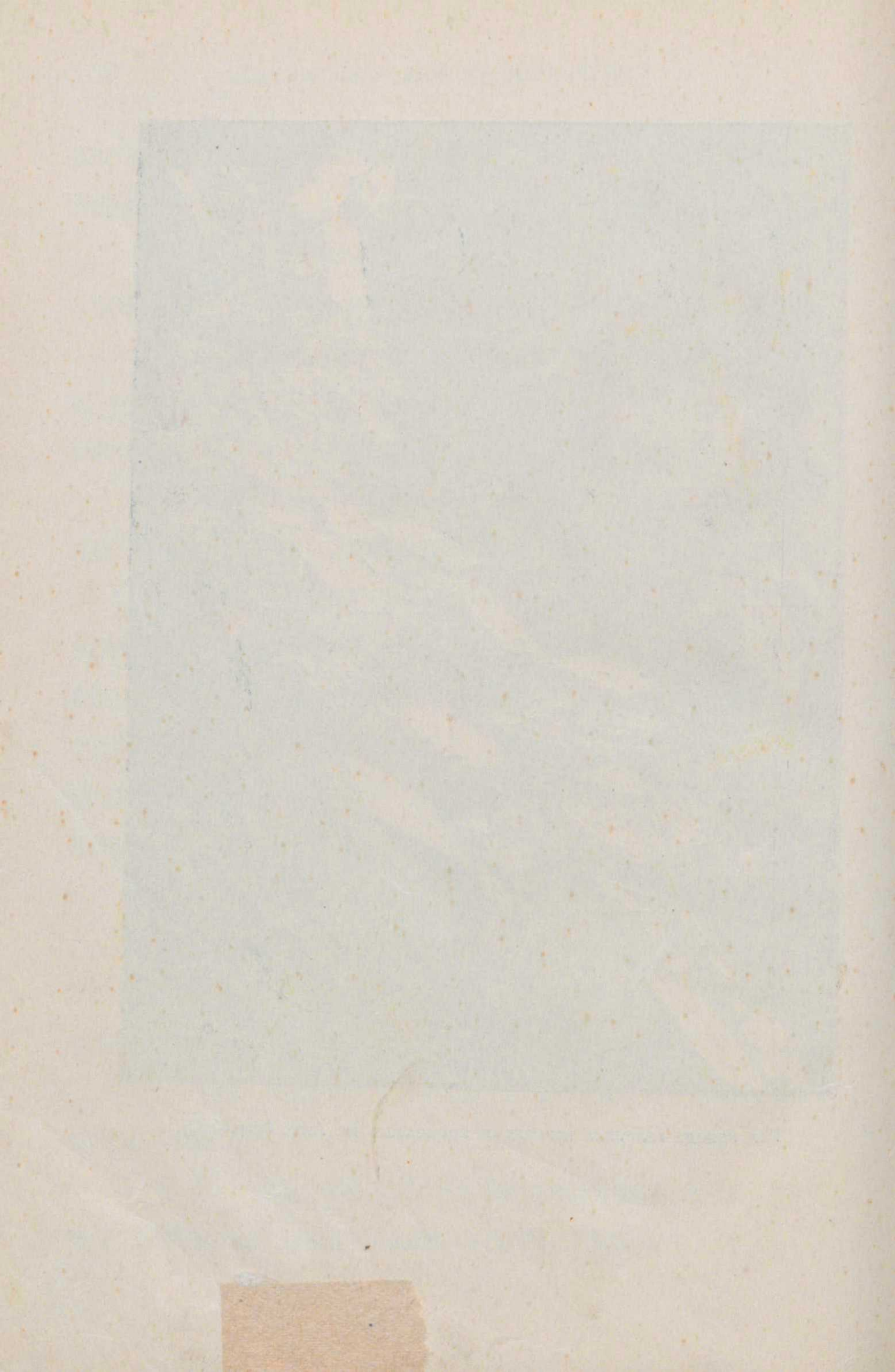
— Нѣтъ, ты больше версты! — возразилъ король.

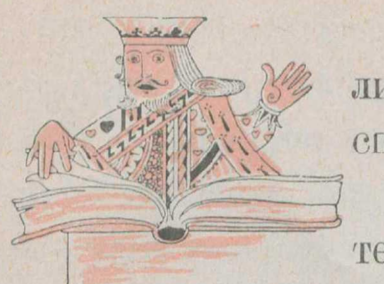
— Ты выше двухъ верстъ! — сказала королева.

— Я не уйду! — возразила Аня, — вы сейчасъ выдумали этотъ законъ.

Вся колода взлетѣла наверхъ и посыпалась на Аню. (стр. 162).

— Господа засѣдатели, какъ вы рѣшили?— спросилъ король.

— Есть еще доказательство, ваше величество; сейчасъ нашли это письмо!—сказалъ поспѣшно кроликъ.

— Что тамъ написано?—спросила королева.

— Я еще не вскрылъ его.

— Кому оно адресовано?—спросилъ одинъ изъ засѣдателей.

— Оно безъ адреса,—отвѣтилъ кроликъ и вскрылъ письмо.

— Чей почеркъ? Не валета-ли?—спросилъ одинъ изъ засѣдателей.

— Нѣтъ, но онъ, кажется, поддѣланъ,—замѣтилъ король.

— Не я писалъ это письмо, ваше величество; оно даже безъ подписи!— заявилъ валетъ.

— Тѣмъ хуже для тебя, что ты его не подписалъ,— замѣтилъ король.— У тебя,

вѣрно, былъ злой умыселъ, что ты не подписалъ письмо; честные люди всегда подписываются подъ своими письмами.

Со всѣхъ сторонъ послышались крики одобренія, — это было первое разумное мнѣніе, высказанное королемъ въ этотъ день.

— Это доказываетъ, что онъ виноватъ! — замѣтила королева.

— Совсѣмъ нѣтъ! — возразила Аня. — Вѣдь вы даже не знаете, что написано въ письмѣ.

— Прочти его намъ! — приказалъ кролику король.

— Съ какого мѣста прикажете начать, ваше величество? — спросилъ кроликъ, одѣвая очки.

— Прочти съ начала до конца.

Кроликъ чихнулъ два раза и началъ читать.

„Голоденъ... разъ, два, три... онѣ ужъ тутъ... не плаваю... никто не зналъ...“

— Это очень важное доказательство!— сказалъ король, потирая руки, — пусть засѣдатели...

— Если кто-нибудь изъ васъ сумѣетъ объяснить это,—сказала Аня,—тотъ получитъ отъ меня яблоко. Въ немъ нѣтъ ни капельки смысла!

За послѣднія двѣ минуты Аня выросла настолько, что даже не побоялась спорить съ королемъ.

Всѣ присяжные записали на своихъ доскахъ: „она не находитъ ни капельки смысла.“

— А все-таки,— сказалъ король, расправляя письмо, — мнѣ кажется, что въ немъ есть смыслъ: „Голоденъ“, значитъ онъ былъ голоденъ и ѣлъ ватрушки. Потомъ, разъ, два, три — означаетъ, что онъ

съѣлъ три ватрушки; потомъ „онѣ ужъ тутъ", означаетъ, что всѣ остальныя здѣсь; потомъ „не плаваю"... Ты умѣешь плавать?—спросилъ король валета.

Валетъ грустно покачалъ головой.

— Ну вотъ, еще одно доказательство, — сказалъ король,—„никто не зналъ", ну да, никто не зналъ, кто съѣлъ ватрушки! — торжествующе закончилъ король. — Теперь засѣдатели должны высказать свое сужденіе.

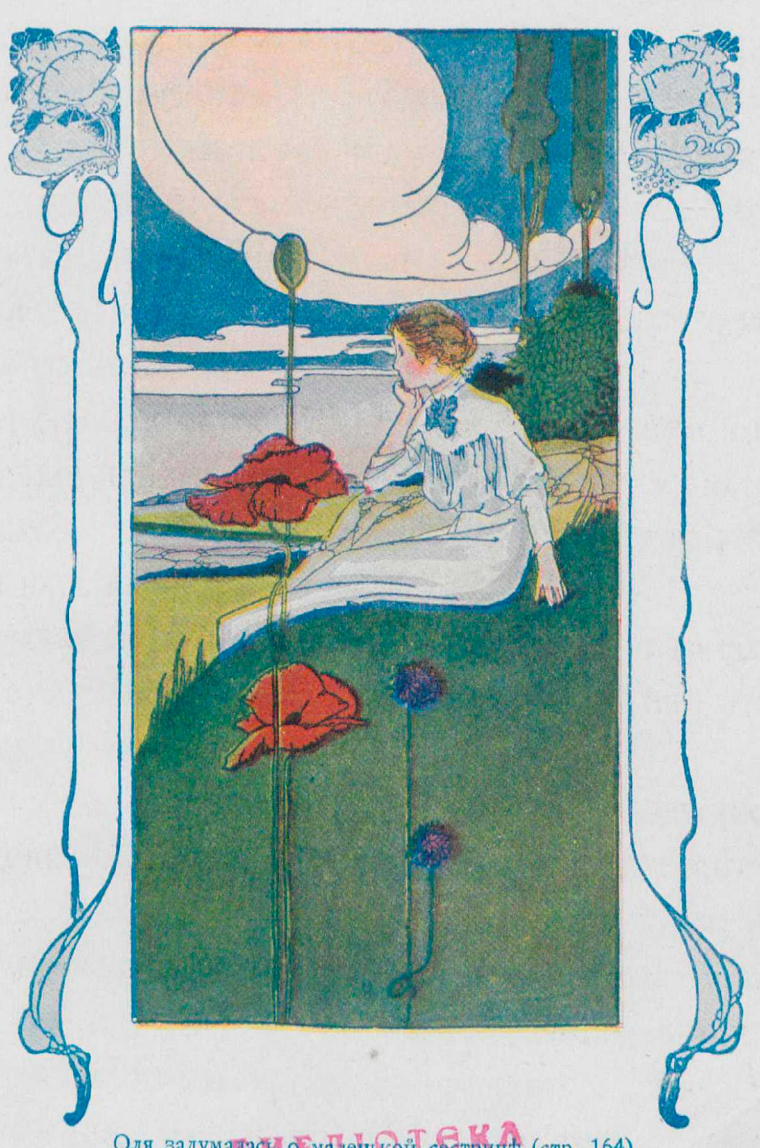
— Нѣтъ, нѣтъ!—прервала королева.—Сначала приговоръ, а потомъ мнѣніе засѣдателей.

— Это глупо и безсмысленно! — воскликнула Аня. — Сначала надо выслушать мнѣніе присяжныхъ, а потомъ ужъ произносить приговоръ.

— Молчи!—крикнула королева, покраснѣвъ отъ злости.

— Не буду молчать!—отвѣтила Аня.

— Отрубить ей голову! — закричала королева.

Оля задумалась о маленькой сестрицѣ (стр. 164).

20

Но никто не тронулся съ мѣста.

— Кричите сколько угодно! — сказала Аня. — Васъ никто не боится!.. Вѣдь вы только ничтожная карта!

При этихъ словахъ вся колода вдругъ взлетѣла вверхъ и посыпалась на Аню.

Аня вскрикнула и стала отмахиваться отъ картъ... и только теперь замѣтила, что находится на берегу ручья, а голова ея покоится на колѣняхъ сестры, которая снимаетъ съ ея лица нѣсколько сухихъ листьевъ, упавшихъ съ дерева.

— Наконецъ-то ты проснулась, Анечка! — сказала сестра. — Ты долго спала!

— Ахъ, Оля, какой я странный сонъ видѣла! — и Аня разсказала сестрѣ, какія удивительныя приключенія она пережила во снѣ.

— Да, это былъ странный сонъ! — сказала Оля, цѣлуя сестру. — Но теперь бѣги скорѣе ужинать, тебя мама ждетъ.

Аня поспѣшно побѣжала къ дому, продолжая вспоминать о чудесномъ снѣ, а сестра ея осталась на берегу и, глядя на заходящее солнце, задумалась о своей маленькой сестрицѣ и удивительныхъ приключеніяхъ, пережитыхъ ею во снѣ.

ВЪ ЦАРСТВѢ ЧЕРНЫХЪ. Сцены изъ жизни и природы средней Африки. Разсказъ для дѣтей средняго возраста Г. Стэнли. Съ англ. М. Гранстремъ. Изд. третье. Съ 50 рис. Цѣна въ перепл. съ золот. обрѣзомъ 2 руб.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущена въ ученич. библіотеки средняго и старшаго возраста средн. учебн. завед. какъ мужскихъ, такъ и женскихъ, а равно въ народныя читальни.

ДѢДУШКИНА ВНУЧКА. Разсказъ для дѣтей младшаго возраста Ж. Коломбъ, одобренный Французской Академіей. Переводъ М. Гранстремъ. Изданіе третье. Съ 98 рис. Цѣна въ перепл. съ золот. обрѣзомъ 2 руб.

ВДОЛЬ ПОЛЯРНЫХЪ ОКРАИНЪ РОССІИ. Путешествіе Норденшельда вокругъ Европы и Азіи въ 1878—1880 гг. Составилъ Э. Гранстремъ. Изданіе пятое. Съ картою и 65 рис. Цѣна въ переплетѣ 1 р. 50 к.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія одобрена для ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

СНѢЖНЫЙ КОРОЛЬ. Сцены изъ тридцатилѣтней войны, по Шиллеру, Лодброку и Старбеку. Съ шведскаго Э. Гранстремъ. Изданіе третье. Съ 45 рис. Цѣна въ переплетѣ 2 руб.

МАЛЕНЬКІЯ ШКОЛЬНИЦЫ ПЯТИ ЧАСТЕЙ СВѢТА. Разсказы для дѣтей средняго возраста Е. Бертье, одобренные Французской Академіей. Съ франц. М. Гранстремъ. 2-е изд. Съ 93 рис. Цѣна въ перепл. съ золот. обрѣзомъ 2 руб.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущена для ученическихъ младшаго возраста библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, городскихъ училищъ и безплатныхъ читаленъ

ЕЛЕНА-РОБИНЗОНЪ. Приключенія одной дѣвочки на необитаемомъ островѣ. Составилъ по Де-Фоэ и Меллину Э. Гранстремъ. Съ 73 рис. В. Табурина, В. Крюкова и др. Изданіе третье. Цѣна въ перепл. съ золот. обр. 2 р. 50 к.

Учебнымъ Комитетомъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи одобрена для ученическихъ библіотекъ младшихъ и среднихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній.

ИСТОРІЯ ОДНОГО МАЛЕНЬКАГО ЧЕЛОВѢКА. Разсказъ для дѣтей средняго возраста М. Р. Гальтъ, одобренный Французской Академіей. Переводъ М. Гранстремъ. Изданіе 4-е. Съ 4 раскрашенными картинами по акварелямъ В. Крюкова и 86 рисунками. Цѣна въ перепл. съ золот. обрѣз. 2 руб. 25 коп.

ДВА ГЕРОЯ. Два разсказа изъ исторіи открытія Америки. I. Въ Новомъ Свѣтѣ. II. Завоеваніе Мексики. Составилъ по Фалькенгорсту Э. Гранстремъ. 2-е изд. Съ 13 рис. Цѣна въ переплетѣ съ золотымъ обрѣзомъ 2 рубля.

КРОШКА АСЯ. Разсказъ для дѣтей младшаго возраста, составилъ по Франэ Э. Гранстремъ. Съ 47 рис. Цѣна въ переплетѣ съ золотымъ обрѣзомъ 2 р. 50 к.

ПЫЛАЮЩІЙ ОСТРОВЪ. Разсказъ изъ послѣднихъ событій на Кубѣ Л. Буссенара. Съ французск. М. Гранстремъ. Съ 28 рисунками. Цѣна въ переплетѣ съ золотымъ обрѣзомъ 2 руб.

СИНЕЕ ЗНАМЯ. Историческій разсказъ временъ нашествія монголовъ. Заимствовано съ французскаго М. Гранстремъ. Изданіе второе. Съ 65 рисунками и картой походовъ Чингисхана. Цѣна въ переплетѣ 2 руб.

СТОЛѢТІЕ ОТКРЫТІЙ въ біографіяхъ замѣчательныхъ мореплавателей и завоевателей XV и XVI вѣковъ Составилъ по проф. Шотту и друг. Э. Гранстремъ. Съ 71 рисункомъ и картою путешествій. Изданіе второе. Цѣна въ переплетѣ съ золотымъ обрѣзомъ 2 руб.

Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. одобрена для ученич. старшаго и средняго возраста библ. среднихъ учебныхъ заведеній.

ВЪ ЛѢСАХЪ ФЛОРИДЫ. Приключенія трехъ мальчиковъ и одной дѣвочки. Составлено по Бэрингъ-Гульду и Брюнэ М. Гранстремъ. Изданіе 2-е. Съ 23 рис. Цѣна въ переплетѣ съ золотымъ обрѣзомъ 2 руб.

МАЛЕНЬКІЙ РАЗНОЩИКЪ. Разсказъ для дѣтей младшаго и средняго возраста А. Женеврэ, одобренный Французской Академіей. Переводъ М. Гранстремъ. Изданіе 3-е. Съ 26 рисунками. Цѣна въ переплетѣ съ золотымъ обрѣзомъ 2 руб.

Учен. Комитетомъ Мин. Нар. Просв. допущена въ ученическія библіотеки младшаго и средняго возраста среднихъ учебныхъ заведеній какъ мужскихъ, такъ и женскихъ.

СКАЗКИ З. ТОПЕЛІУСА. Съ шведскаго М. Гранстремъ, изданіе 4-е, дополненное, съ 2 раскрашенными картинами по акварелямъ В. Крюкова и 36 рисунками. Цѣна въ перепл. съ золот. обрѣз. 2 руб.

ВСЕМІРНЫЕ СВѢТОЧИ. Шиллеръ и Гете. Разсказы изъ жизни великихъ людей. Три разсказа изъ исторіи нѣмецкой литературы. Составлено по Огорну и Эрлиху М. Гранстремъ. Съ 75 рис. Цѣна въ переплетѣ 2 руб.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущена въ ученическія средняго и старшаго возрастовъ библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній и городскихъ училищъ, а также въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

ВСЕМІРНЫЕ СВѢТОЧИ. Шекспиръ и его время. Разсказы изъ жизни великихъ людей. Разсказъ для средняго возраста. Составлено по Тику и Геккеру М. Гранстремъ. Съ 60 рисунками. Цѣна въ перепл. 2 руб.

Г. Шахтъ и Ко., СПБ.

2014079470